Т. Половинкина, историк

Черкесия — боль моя и надежда

Часть 1

После падения государства Шамиля Кавказская армия была нацелена на покорение Черкесии. Как пишет Я.А.Гордин, «вдохновленная победой над Шамилем, имперская власть не склонна была к каким-либо компромиссам в этом краю. В разгар военных действий горцы неоднократно предлагали прекратить кровопролитие и вступить в российское подданство на приемлимых условиях». Но безрезультатно. Забегая вперед скажем, что кавказское начальство требовало от горцев лишь безусловного подчинения, прибегало к различного рода уловкам, обману, коварству и силе оружия, но не шло на уступки. Россия никогда не учитывала интересов черкесского народа, так как ее собственный интерес на Кавказе, - по словам генерала Фадеева, «выходил за пределы этой страны. Это гораздо яснее понималось за границей, чем у нас. Кавказская война — эпизод нашей истории». Более того, он откровенно заявлял, что «Кавказ и Польша — препятствия русскому народу на пути его естественного роста».

В начале февраля 1860 года предназначенные для колонизации Черкесии войска оставили Восточный Кавказ и Закавказье и выступили на Кубань. С учетом войск уже находившихся на правом фланге Кавказской линии общая численность военных сил России, выставленных против закубанских горцев, в начале года составляла, писал абхазский ученый Г.А.Дзидзария, до 200 тысяч человек пехоты и конницы при 200 орудиях.

В целях скорейшего окончания войны в 1860 году командование Кавказской армии решило изменить тактику боевых действий в Черкесии.
Как писал начальник главного штаба Кавказской армии (с 1861 года) генерал А.П. Карцов: «... Осенью 1860 года решено было прекратить бесполезные экспедиции и приступить к систематическому заселению гор казачьими станицами; горцев же выселять на плоскость, подчиняя там нашему управлению».

Широко практиковавшиеся прежде карательные экспедиции и набеги были признаны малоэффективным способом завоевания Западного Кавказа. Да к тому же они «причиняли большие расходы людьми и деньгами». Что представляли собой эти совершаемые из-за Кубани наступательные действия русских отрядов, коротко изложил полковник генерального штаба Романовский. По его словам, набеги обычно совершались на небольшое расстояние и на короткое время, например, «с целью разорить непокорный аул, истребить у неприятеля запасы или захватить скот, после чего войска тотчас же возвращались на свои места». Экспедиции же преследовали более важную цель: «покорение какого-нибудь горского общества, устройство нового укрепления, вырубку просек» и т.п. Они длились более продолжительное время. Затем войска снова отходили за линию. Как писал Романовский, в это время «у горцев строго соблюдается правило: как только начинается перестрелка вблизи какого-нибудь аула, то все окрестные жители обязаны спешить на выручку».

Главная задача русско-черкесской войны до 1860 года заключалась в том, чтобы

указанным способом «сбить неприятельское население с лесной равнины и холмистых предгорий и загнать его в горы, где ему было невозможно долго прокормиться», и таким образом, «убедив в превосходстве русского оружия», сломить сопротивление черкесов и заставить покориться. Однако прежняя система войны не вела к быстрому и окончательному завоеванию Кавказа, то есть «не способствовала прочному водворению русской власти». В связи с этим начальник главного штаба армии генерал Карцов с недовольством говорил: «Если даже мы заняли бы горы и провели бы к ним дороги, то все-таки приходилось бы постоянно держать в горах огромное число войск и не быть покойным ни одной минуты».

Поэтому было решено прибегнуть к насильственному выселению горцев из обжитых мест и заселению предгорных районов Черкесии (обоих склонов Главного Кавказского хребта) казачьими станицами. Именно таков, коротко говоря, был план войны в последние четыре года.

В феврале 1860 года, в целях подготовки к наступательным военным действиям по новой системе, предложенной командующим левым флангом Кавказской линии генералом Евдокимовым, на Северном Кавказе были проведены военно-административные преобразования: левый фланг Кавказской армии был переименован в Дагестанскую и Терскую области, а правый вместе с Черноморией (правобережье Кубани от ее устья до впадения реки Лабы) составили Кубанскую область. В ноябре 1860 года было образовано Кубанское казачье войско. Оно включило в себя Черноморское войско и шесть бригад Кавказского казачьего линейного войска. В ноябре произошли перемены и в личном командном составе Кавказской армии. Так, командующим войсками Кубанской и Терской областей был назначен генерал-адъютант граф Н.И. Евдокимов, к слову сказать, получивший этот чин и титул в награду за покорение Восточного Кавказа. Одновременно он стал наказным атаманом Кубанского казачьего войска. Это было второе пришествие генерала на Северо-Западный Кавказ (Евдокимов уже служил здесь с 1850 по 1855 год в должности начальника правого фланга Кавказской линии).

На этот раз он пришел сюда с конкретными соображениями. (Как писал А.Берже, «предложенный графом Евдокимовым план бесповоротного окончания Кавказской войны уничтожением неприятеля замечателен глубиною политической мысли и практической верностью».) В возможности осуществления своего проекта Евдокимов сумел убедить наместника царя на Кавказе и главнокомандующего Кавказской армией генерал-фельдмаршала князя А.И.Барятинского (еще в марте 1860-го он докладывал о нем наместнику лично), а затем и самого царя. Поэтому совещание кавказского генералитета во главе с князем Барятинским, состоявшееся 3 октября 1860 года во Владикавказе, на котором он изложил свой план военных действий в Черкесии, носило формальный характер. По крайней мере начальник главного штаба армии генерал Д.А.Милютин (1856-1861) в своих воспоминаниях писал, что проект Евдокимова был уже известен собравшимся и поддерживался наместником. По словам Милютина, он состоял в том, чтобы «решительно вытеснить из гор туземное население и заставить его или переселяться на открытые равнины позади казачьих станиц, или уходить в Турцию». (Как писал биограф князя Барятинского военный историк А.Л.Зиссерман, свой проект казачьей колонизации Евдокимов приводил в исполнение на левом фланге по возможности, а на правом - «решительно, для чего и стремился во что бы то ни стало выгнать горцев в Турцию, желая избавиться «от змеи за пазухой».)

В этих целях Евдокимов предложил направить вначале все силы на шапсугов, действуя отрядами от Адагума на восток, а затем — против абадзехов, двигаясь от верховий Лабы и Белой на запад, очищая от горцев и расчищая от леса в обоих направлениях широкую

полосу вдоль подошвы гор. Таким образом, продвигаясь от ущелья к ущелью и буквально выдавливая горское население с насиженных мест, предполагалось принудить его к выполнению требований военного командования. Продолжавших сопротивляться следовало отбрасывать дальше «в бесплодные горы» для последующего вытеснения к морскому берегу, откуда «им только и оставалось, что уходить в Турцию». Остальных, «покорившихся», ждало насильственное «водворение» на равнине. (Правда, автор плана считал «более полезным совсем вытеснить горцев в Турцию, чем переводить их на плоскость, если бы они даже пожелали этого», потому что черкесское население хоть и «поселенное в больших аулах на плоскости, под ближайшим надзором русских властей, все-таки составляло бы опасный элемент».)

Прежде всего Евдокимов поставил вопрос о выселении в Турцию абадзехов и шапсугов, «чтобы, - как писал он, - более свободно развивать русскую колонизацию в предгорьях западной части Кавказского хребта». Освободившиеся от горцев предгорья было решено (по предложению генерала Филипсона), как и раньше, заселять целыми казачьми станицами, задними или тыловыми, «давно уже удаленными от неприятеля». Таким образом предполагалось лишать возможности вытесненных оттуда горцев возвращаться на прежние места их жительства.

Учрежденные на отвоеванной у горцев земле опорные пункты и казачьи станицы должны были отрезать «покорных» (равнинных) черкесов от гор. Планом предусматривалось строительство целой цепи укреплений у подножия гор с мобильными гарнизонами. Передовые (ближние к горам) укрепления соединялись между собой и с линиями задних укреплений достаточно широкими просеками, чтобы передвигавшиеся по ним войска не подвергались опасности при обстреле из леса.Укрепления возводились при выходе из ущелий, важных в стратегическом отношении. Они являлись опорными пунктами для действующих войск. С устройством этих линий оставшееся в горах население лишалось доступа на равнину, то есть фактически средств к существованию. Это было продуманное решение («стеснять до полной невозможности жить в горах»), имевшее целью направить горцев к единственному оставленному для них открытым выходу — дороге к морю. Укрепления, о которых уже говорилось выше, должны были также прикрывать станицы от возможных нападений горцев.

Военные действия обычно приурочивались к концу осени – зиме, когда опадала листва и мелели реки, и горцам труднее было скрыться. Войска отправлялись в предгорья и на равнину, где среди лесов скрывались аулы. Они истребляли жилища, принуждая жителей к покорности или отходу в горы. «А так как плоскости кормят горы, доставляют неприятелю возможность иметь кавалерию, - писал участник этих экспедиций, - то отнятие их есть всегда важнейший шаг к конечному покорению гор». Теплое время года отводилось для строительства укреплений и постов, прорубки просек, прокладки дорог, устройства станиц на освобожденных от горцев землях.

На заключительном этапе предусматривались наступательные действия в горах, вытеснение оставщегося там населения к морскому берегу для последующего удаления в Турцию. Реализовать свой замысел Евдокимов брался за два-три года.

Как известно, в период завоевания Западного Кавказа основные военные действия происходили на северной стороне Главного Кавказского хребта. И это при том, что первоочередной стратегической и геополитической целью России на Кавказе являлось обладание черноморским побережьем, так как «прочное его занятие необходимо в интересах обеспечения всего Кавказа» (для удержания Кавказа за Россией). Это лишний раз подтвердила Крымская война. Однако по условиям Парижского мирного договора

1856 года России, как собственно и Турции, было запрещено держать свой военный флот на Черном море. Это обстоятельство, по словам Берже, и «заставило признать правильность плана, задуманного графом Евдокимовым».

Как писал генерал Фадеев, для «прочного» утверждения на Кавказе «нужно было обратить восточный берег Черного моря в русскую землю и для этого очистить от горцев все побережье». Для исполнения такого плана надо было, по его словам, «сломить и сдвинуть с места другие массы закубанского населения, заграждавшего доступ к береговым горцам. Конечно, война, веденная с такой целью, требовала с нашей стороны удвоенной энергии, - надобно было истребить значительную часть закубанского населения, чтобы заставить другую часть безусловно сложить оружие, - но зато победа кончала все разом».

Как уже отмечалось, в 1860 году «новым» главным средством для покорения Западного Кавказа была признана военная колонизация горских земель. Однако строго говоря, эта система ведения войны не была новым явлением в военной истории Российской империи. Колонизация вооруженным казачьим населением кавказских земель практиковалась Россией, по словам А.Берже, «с первого появления русских на Тереке», с XYI века, хотя в данном случае, считал он, это было «неизбежное последствие необходимости обеспечить границу». Начало колонизации Кавказа, с целью «водворения русского владычества», Берже относит к 1769 году, ко времени поселения на реке Терек волжских и донских казаков (Моздокского полка). В 1792 году, в тех же целях, на правобережье Кубани были водворены Екатериной II черноморские (проживавшие до этого на Черном море между Днепром и Бугом), бывшие запорожские, казаки.

По сообщению М.И.Венюкова, знавшего о проекте Евдокимова не понаслышке, одним из любимых предметов чтения генерала была докладная записка Вельяминова, «учителя» не только самого Евдокимова, но и князя Барятинского». Известно, что еще в конце 1820-х — первой половине 1830-х годов тот, в частности, предлагал вытеснить черкесов в горы и, лишив их средств к существованию (заморить голодом), принудить к покорности. Земли их он уже тогда планировал заселить казаками и переселенцами из России, а в горах занять важные в стратегическом отношении опорные пункты. Этот сюжет (блокада и колонизация) был основным во многих проектах покорения Кавказа. При этом Вельяминов не уточнял, что ожидало черкесов не пожелавших, тем не менее, покориться. По указанию императора Николая I, они, как мы помним, подлежали истреблению.

Да и «какими средствами, кроме оружия, можно было обуздать горские племена?», - вопрошал один из кавказских генералов. Вот, к примеру, выдержка из его работы: «Сила регулярного оружия против людей, не видавших ничего подобного, на первых порах была неотразима. В 20-х годах горцы решительно не выдерживали артиллерийского огня, не смотря на свою храбрость и ловкость». Действительно, война России с народами Кавказа вполне осознанно велась на их уничтожение.

Уже позже пришла идея о выселении кавказских горцев из родных мест в Донские степи. Данное предположение, по словам А.Х.Касумова, принадлежало первому начальнику главного штаба Кавказской армии генералу Д.А.Милютину (в 1861-1881 годах — военный министр России). В 1857 году в своей служебной записке «О средствах к развитию русского казачьего населения на Кавказе и к переселению части туземных племен» он писал, что «покорившихся горцев направлять туда, куда мы им укажем». Милютин планировал переселить их на Дон, на земли Донского казачьего войска, где, по его словам, было «нужно устроить из них особенные поселения, вроде колоний». «Мы должны, - подчеркивал он, - тщательно скрывать эту мысль правительства от горцев, пока не

наступит пора для исполнения ее». По мнению генерала, переселять горцев, к примеру, в Ставропольскую губернию не следовало потому, что «водворение их в тылу казачьего населения было бы неудобно и отклонило бы от главной цели, т.е. развития русского населения на северной покатости Кавказского хребта (в Закубанье. - Т.П.) до решительного перевеса его над живущими там племенами». Выселение на Дон предлагалось начать с горцев Восточного Кавказа.

В развитие мысли генерала Милютина наместник Кавказа (1856-1861) князь А.И.Барятинский предложил применить этот план к непокорному населению Северо-Западного Кавказа (у Милютина речь шла о покорившихся горцах). Наместник мотивировал это тем, что «закубанских черкесов трудно привести к покорности», так как этому мешают «распространяющийся между ними мюридизм, привычка к безначалию и вольность», а также «происки европейских агентов». (В 1861 году Барятинский уже иначе обосновывает необходимость выселения горцев с Кавказа: чтобы «избавить Кавказское плоскогорье от населения... и открыть этим самым прекрасные и плодородные места для... казачьего населения».) На их землях оба предлагали водворять русское, преимущественно казачье, население.

Предположения наместника обсуждались Кавказским комитетом. Признав государственную важность представленного им плана, комитет выразил однако сомнение в необходимости выселения горцев в донские степи: «Глубокая привязанность их родине известна, а потому нельзя сомневаться, чтобы они не предпочли смерть водворению на степях Донской земли. Не только целые племена, но и одиночные семейства не решатся покориться на таких условиях, и применение предлагаемой меры повело бы не к покорности горцев, а к их истреблению. Кроме того, эта мера может повлечь за собой общее волнение и даже восстание самых мирных и преданных нам обществ». Однако соображения генерала Милютина относительно выселения горцев на Дон было частично реализовано. Например, как писал позже генерал Зиссерман, предусматривалось «часть черкесских племен поселить на равнине между Кубанью и Лабой, большими аулами, под надзором и управлением русской власти; желающим уходить в Турцию (их ожидалось много) оказывать всячески содействие; некоторую же часть выселить на Дон».

К слову сказать, в середине 1861 года предложение кавказского начальства о поселении горцев на землях донских казаков «или в более отдаленных от Кавказа местах» вновь обсуждались Кавказским комитетом и правительством России. Правда, теперь в другом контексте: в связи с просьбами кавказцев, ушедших незадолго до этого в Турцию под видом паломничества, о возвращении на родину. К этому сроку на Дону уже успели в разное время поселить до 200 горцев-мужчин. Однако в июле 1861 года, на заседании Комитета министров, товарищ военного министра генерал Милютин однозначно заявил, что селить выходцев с Кавказа на Дону «представляется совершенно невозможным, не столько по недостатку свободных земель, сколько потому, что водворение переселенцев в пределах земли Войска Донского считается местными жителями нарушением их прав». Одновременно было решено водворять горцев, потерявших, с точки зрения русских властей, право на возвращение в Россию, на землях Уральского или Оренбургского казачьих войск. Положение Комитета по этому вопросу было утверждено царем.

По свидетельству Милютина, вопрос о выселении горцев в Турцию был одним из важнейших, поднимавшихся во время встречи Барятинского с царем в феврале 1860 года. Наместник получил его согласие «на открытие свободного выхода горцам, желающим выселиться в Турцию». В мае того же года генерал Барятинский изложил Александру II свои предложения по этому вопросу уже в письменной форме.

В отечественной историографии XIX века мысль о выселении горцев в Османскую империю приписывается генералу Евдокимову. В частности А.П.Берже, «официальный историк этих переселений» (по выражению Я.Абрамова), писал, что именно тот нашел «блистательный выход» для горцев, нежелавших признавать русскую власть, «предоставлением свободы переселения в Турцию». Сам он по этому вопросу высказался следующим образом: «Переселение непокорных горцев в Турцию, без сомнения, составляет важную государственную меру, способную окончить войну в кратчайший срок, без большого напряжения с нашей стороны, но во всяком случае, я всегда смотрел на эту меру, как на вспомогательное средство покорения западного Кавказа, которая дает возможность не доводить горцев до отчаяния и открывает свободный выход тем из них, которые предпочитают скорее смерть и разорение, чем покорность русскому правительству».

«Заслуга» Евдокимова заключалась в том, что он решил использовать в интересах России вспыхнувшее в конце 1850-х годов, неожиданно для кавказского военного начальства, стремление прикубанских ногайцев и части черкесов к выселению в Турцию под видом паломничества. Причиной этого явилась паника,вызванная падением власти Шамиля и страхом перед русским произволом. Как выразился полковник Франкини (военный советник российского посольства в Стамбуле), «русское правительство, и турецкое не знали — радоваться ли этому явлению или жалеть». Кавказские власти сначала пытались препятствовать выселению ногайцев, но затем было решено отпускать желающих («доказавших этим, что они не сочувствуют русскому владычеству») по так называемым срочным билетам, без права на возвращение. Очень скоро они, по словам Франкини, «стали смотреть на добровольное переселение туземцев в Турцию как на способ очищения края».

Замысел командования Кавказской армии о выселении кавказских горцев в Османскую империю (Турцию) основывался на определенных гарантиях с ее стороны. Еще в 1856 году, после Восточной войны, правительствами обеих империй было заключено соглашение, определявшее порядок переселения российских мусульман в Турцию. 9 марта 1857 года в Турции вступил в силу закон о мухаджирах. С 1858 г. вопрос о переселении горцев Кавказа становится предметом активной дипломатической переписке двух правительств. До этого времени Турция формально не подтверждала своего согласия на их переселение, но вместе с тем принимала горцев, уходивших с Кавказа под видом паломничества к святым для мусульман местам.

Первое время Порта действительно была не против принятия небольшого числа кавказских горцев и даже призывала их к переселению, обещая хорошую жизнь на земле правоверных. Османские политики рассчитывали извлечь из кавказской эмиграции определенные политические выгоды, пополнить боеспособными солдатами свою армию, расселить беженцев в христианских районах империи с целью использования их там в борьбе с национально-освободительным движением славянских народов. Предполагая вначале, что это переселение будет совершаться постепенно и не потребует особых усилий и средств, турецкое правительство, по словам А.Берже, «смотрело весьма благоприятно на прилив горцев в Турцию» в силу демографических, экономических, военно-политических и иных причин. Но так как желающих переселиться становилось все больше, она стала предъявлять России свои претензии. В ответ русские власти ссылались на свою веротерпимость и невозможность «воспретить мусульманам исполнять их религиозный долг».

Однако в июне 1859 года Порта заявила «об ограничении свободы переселения» кавказцев в пределы Турции, «которое чрезмерно усилилось и обременяет» ее, и чтобы в

дальнейшем оно «не совершалось без предварительного согласия обоих правительств». Исходя из правил, которые Турция обнародовала, переселение должно было происходить «не разом, а малыми партиями». В январе 1860 года русское правительство через своего посланника в Турции дало Порте следующий ответ: «Наши мусульмане ходатайствуют о разрешении им выезда в Турцию не для переселения, а для паломничества. Мы не хотим и не можем противиться исполнению желания, внушенного религиозной убежденностью».

На самом же деле кавказское начальство было убеждено в государственной пользе именно открытого и неограниченного какими-либо условиями разрешения «кавказским мусульманам» переселяться в Турцию навсегда, тем более не препятствовать и даже поощрять. По словам генерала Милютина, Евдокимов «с удовольствием готов был способствовать выселению, чтоб избавиться от неисправимо беспокойного и строптивого населения», с которым «было бы много хлопот». Возвращение же горцев обратно на Кавказ высшее военное командование считало опасным, «ибо они проникаются религиозной нетерпимостью и враждебным расположением к России», - считал наместник Кавказа.

Формально Россия не имела права выселять горцев в пределы другого государства, но создать условия для этого она могла и создавала. В качестве примера можно привести высказывание неоднократно цитируемого нами генерала Милютина: «Вразрез вековым привычкам и правам горцев» колониальная администрация сочла необходимым в своих интересах, то есть «для водворения порядка среди новопокорившегося населения, для облегчения за ним административного надзора», переселить их на равнины большими аулами. Вслед за этим, заметил Милютин, у горцев стали проявляться «враждебные замыслы» против русских, другие же («более рассудительные») «заговорили» об уходе в Турцию. И хотя в данном случае он писал о Восточном Кавказе, то же самое происходило и в Черкесии. Более того, признавших новую власть не только переселяли на удобные для администрации места, причем неоднократно, но и массами стремились депортировать в Турцию. Когда генералы поняли, что добровольное (на самом деле вынужденное) выселение им только на руку, оставалось только «придать правильность» (по выражению наместника) этому процессу.

Непосредственно вопросами переселенцев в Турции, по данным У.Берзега, должна была заниматься Иммиграционная комиссия, образованная 5 января 1860 года.

Впервые замысел генерала Евдокимова о выселении кавказских горцев в Турцию был испробован при завоевании Восточного Кавказа, в период его командования левым крылом Кавказской линии. Весной 1860 года русское правительство планировало отправить в Турцию через Закавказский край 3 тысячи семей. Чтобы ускорить решение вопроса об их переселении и предотвратить препятствия со стороны турецкого правительства, в апреле 1860 года в Стамбул был послан бывший начальник войск в Абхазии генерал-майор М.Т.Лорис-Меликов (с 1863 года — командующий войсками Терской области). Ему было поручено разъяснить русскому посланнику в Турции, что в случае отказа Порты принять переселенцев, Россия будет поставлена в «затруднительное положение». Убежденный сторонник выселения горцев, генерал «превосходно» справился со стоявшей перед ним задачей.

Результатом поездки стало согласие Турции на прием 3 тысяч семей из Терской области, которых она обязалась поселить вдали от границ русских владений в Закавказье. Впрочем, отправка упомянутых семей была отменена, а вскоре Барятинский и вовсе запретил переселение с Восточного Кавказа. Однако выселение горцев с его западной части не только разрешалось, но и поощрялось. К тому же происходило оно (с 1860 по 1862 год),

как писал Берже, без каких-либо дополнительных переговоров.

Переселение горцев Северо-Западного Кавказа в Османскую империю началось после окончания Крымской войны. Оно не было многочисленным и происходило под видом паломничества в Мекку. Но в конце 1850-х годов, в связи с активизацией русской колонизации между Кубанью и Лабой, этот процесс стал набирать силу. Истребление при этом «непокорных» аулов должно было, по словам А.Берже, «навести панику на горцев и поставить их в безвыходное положение». С закладкой в мае 1858 года шести станиц Урупской казачьей бригады на верхнем Урупе, реках Малом Тегене и Зеленчуке, засобирались в Турцию ногайцы. Большинство из них, несмотря на установленное русскими властями ограничение на выезд (не более 10 семей сразу), забросило свое хозяйство и распродало имущество. Было понятно, что ногайцы намеревались оставить Кавказ навсегда. Сначала переселение шло небольшими партиями, но потом было разрешено «увольнять» всех желающих.

Таким образом, в течение 1858 и 1859 годов ушло в Турцию (под предлогом посещения святых мест) до 30 тысяч прикубанских ногайцев. К маю 1859 года «в приставствах прикубанских ушло 2/3 всего мирного населения». В 1861 году многие из ушедших начали возвращаться обратно на Кавказ, причем на любых условиях русского правительства. Обратная их эмиграция происходила и позже. (В 1862 году часть ногайцев была «водворена» в Ставропольской губернии с обращением их в государственных крестьян.)

В начале 1859 года «изъявили покорность» абазины-кизилбековцы, башилбайцы, тамовцы и часть бесланейцев (с Тегеней), летом — бжедуги, темиргойцы, махоши, егерукайцы, бесланейцы, абазины-шахгиреевцы (чагрей) и закубанские кабардинцы, в ноябре — абадзехи и в январе 1860 года — натухайцы. В начале 1860 года были заложены новые казачьи станицы в верховьях Урупа, на Малом Тегене и Шебше (на границе шапсугов и абадзехов).

В 1860 году, в связи с дошедшими до Кавказа слухами о бедственном положении ногайцев в Турции, выселение из Закубанья почти остановилось. Исключение составили абазины-башилбайцы, жившие в верховьях Урупа. По причине потери земель из-за поселения новых горных станиц урупских казаков башилбайцы передвинулись к Большой Лабе, однако часть их отправилась на южный склон Главного Кавказского хребта с намерением уйти в Турцию.
В ходе колонизации предгорий восточной части Черкесии оказались стеснены также жившие здесь (на Урупе) бесланейцы и абазины, но они пока оставались на своих местах. Однако ненадолго. В 1860-1861 годах общество Тазартукай, например, было переселено с Тегеня на Зеленчук, на место нынешнего аула Бесленей.

В ноябре 1860 года новая система военных действий в Черкесии, разработанная генералом Евдокимовым, была одобрена Александром II. Теперь все зависело от исполнения предложенного плана. Эта задача была возложена царем на его автора, командующего войсками в Кубанской и Терской областях все того же генерала Евдокимова (с ноября 1861 по 1864 год - начальник Кубанской области). При этом генерал получил огромные права и широкие полномочия. Он обладал полной свободой действий. Евдокимов так был уверен в своей незаменимости, что не только злоупотреблял своими полномочиями, но и мог прибегнуть к шантажу даже своего прямого начальства.

Приведем здесь, качестве примера, случай, описанный Венюковым. Как говорится, «в пику» черкесам («в силу» своего «взгляда» на них), уже жившим некоторое время на

равнине, он распорядился в полосе, отведенной для горцев, построить в низовьях Пшиша большую станицу Габукаевскую. Начальник главного штаба генерал Карцов, по словам рассказчика, « охотно искавший случая сделать графу неприятность, воспользовался этим случаем, чтобы напомнить ему «Положение о колонизации», утвержденное свыше; но Евдокимов на это отвечал, что он работает не для исполнения канцелярских проектов, основанных на неполном знании дела, а для блага России; что, наконец, если хотят ее уничтожить или переселить на другое место, то пусть переносят, но в таком случае он просит уволить его от должности командующего войсками Кубанской области. К-ов уступил; но, желая сделать новую шпильку, прислал графу записку «одного известного знатока Кавказа» (видимо, полковника Франкини. - Т.П.), в которой доказывалось, что никакой надобности в изгнании горцев вообще нет, что они и в горах могут остаться мирными подданными и т.п. Евдокимов … написал едкое возражение». Причиной данного инцидента, очевидно, стали ревностные чувства, которые испытывали его высокопоставленные сослуживцы в связи с особой расположенностью царя к Евдокимову. Сказывалась и его «безродность», необразованность. О таких в народе обычно говорят: «из грязи да в князи», то есть выскочки.

На основании различных свидетельств вполне уверенно можно заключить, что генерал Евдокимов с его планом оказался последней надеждой Российской империи на скорейшее окончание войны. Политика верховной власти в отношении Кавказа всегда формировалась под влиянием ее кавказских военачальников. С 1860 года выработку стратегии и тактики войны и, шире, русско-кавказских отношений определяло мнение генерала Евдокимова. В некоторой степени это предположение иллюстрируют слова еще одного одиозного генерала - Р.А.Фадеева - о том, что для достижения «этой цели, нужна была необыкновенная настойчивость графа Евдокимова».

Несколько слов о «раннем» Евдокимове. Его дед был крепостным крестьянином Уфимской губернии, отец служил солдатом на Кавказе. Дослужившись до прапорщика, он был назначен на должность начальника артиллерии небольшого укрепления Темнолесского (Ставропольский край). Сам Николай Евдокимов родился в станице Наурской, военную службу начал в 16 лет (в 1820 году) вольноопределяющимся получившего известность в годы войны Тенгинского пехотного полка. До 1850 года, а затем в 1855 - начале 1860 года служил в Чечне и Дагестане в должности командующего левым флангом Кавказской линии. Это был бескомпромиссный, беспощадный и коварный человек, отличавшийся неразборчивостью в средствах достижения цели, жестокостью по отношению к противнику, ненавидевший черкесов. Его способы завоевания Черкесии называли «варварскими» и «свирепыми». По словам уже упоминавшегося генерала Зиссермана, черкесы «встретили в лице графа Евдокимова человека,... ни на минуту не забывавшего основной мысли — вытеснить горцев совсем из Северо-Западной части Кавказа». Евдокимов был человеком, который смог переломить ход войны; он сыграл зловещую роль в истории Черкесии.

К 1860 году территория, занимаемая закубанскими адыгами и родственными им абазинами была ограничена с запада Черным морем, с востока — рекой Лабой. Существовали две кордонные линии — Кубанская и Лабинская, составлявшие правый фланг Кавказской линии. По Кубани, от устья до впадения в нее реки Лабы, простиралась Черноморская кордонная линия, службу на которой несли черноморские казаки. Между Кубанью и Лабой, в верховьях Урупа, на реках Малом Тегене и Большом Зеленчуке, в 1858 году было заложено 6 станиц Урупской казачьей бригады, в 1859-1860 годах — еще несколько. За Лабой, в среднем течении реки Белой, существовали передовые укрепления Белореченское (1851) и Майкопское (1857) — опорные пункты для дальнейших наступательных действий, преимущественно против абадзехов. На северо-западе

Черкесии, в земле натухайцев в течение лета-осени 1860 года было завершено устройство Адагумской линии укреплений, которая отрезала их от шапсугов и убыхов, но станиц заложено еще не было. Зажатые между морем и линией, они «покорились» еще в начале 1860 года, «убедившись опытом нескольких предшествующих зим в неминуемом своем разорении от … войск, обложивших их грозным кругом». Для управления ими в том же году был создан Натухайский округ под управлением начальника Адагумского отряда.

Наступление на Шапсугию началось весной 1860 года, еще до утверждения плана Евдокимова. Против ее жителей было сосредоточено три отряда (колонны), каждый по 15 тысяч человек. Войска двинулись одновременно по рекам Абин, Иль и Шебш, уничтожая аулы, возводя новые укрепления. На помощь шапсугам было послано несколько отрядов из Убыхии. На зиму войска ушли за Кубань, оставив в Абинской и Адагумской крепостях гарнизоны, которые совершали набеги на шапсугские аулы. В мае-июле 1860 года, во время походов на Шапсугию, войсками Адагумского отряда были истреблены: с 24 мая по 1 июня 30 аулов между реками Убин и Афипс, 8- 9 июля еще 35 аулов, а 31 июля отрядом полковника Левашова были уничтожены шапсугские аулы между Афипсом и Хаблем.

Летом 1860 года на равнине между Адагумом и Белой (на реках Иль, Шебш и притоке Фарса реке Псыфир), у подножия гор было возведено еще несколько передовых укреплений: Ильское, Григорьевское (в честь генерала Филипсона), Дмитриевское (в честь генерала Милютина) и Хамкеты в земле абадзехов. Вдоль линии этих укреплений, между ними и Главным Кавказским хребтом, была прорублена просека, открывавшая обзор в сторону гор.

Зимой 1860-1861 годов Адагумский отряд совершил несколько экспедиций в предгорья Шапсугии, оттеснив жителей дальше в горы и заняв их земли. Шапсуги потеряли «лучшие пастбища и пахотные земли». Часть из них «изъявила желание покориться». В походах Адагумского отряда принимал участие генерал Евдокимов, в частности в мае 1861 года при движении от Абинского укрепления к Геленджику. При этом, как писал генерал Милютин, отряд встретил со стороны горцев «довольно упорное сопротивление, особенно в узкой долине Адерби; в отряде были убитые и раненые».

Абадзехи, шапсуги и убыхи поняли какая смертельная опасность нависла над ними и предприняли попытку преодолеть разрозненность своих военных действий с помощью административно-политической реформы, основанной на принципах территориального устройства. В черкесской среде существовало понимание, что их разногласия способствуют, как писал в своем донесении военный агент России в Турции, «усилению успеха русских и что сама Европа не может их признать в том случае, если они не объединятся в связи с тем, что у них нет правительства, которое могло бы действовать от имени народа; что захватническая политика России не является больше тайной, наконец, если еще медлить, то Россия начнет покорять все племена одно за другим».

В это сложное и тревожное время, как писал кутаисский генерал-губернатор князь А.И. Гагарин, «должно отдать справедливость противникам нашим — черкесы не потеряли ни головы, ни сердца, напротив, они решились отстаивать самобытность свою не только оружием, но еще внутренними преобразованиями и энергическим обращением к иностранным державам... Они обратили внимание на внутренний свой быт и захотели заменить расслабляющую усобицу сильной централизацией. Для этого они устроили меджлис».

Меджлис был создан 13 июня 1861 года на съезде выборных старшин, проходившем в долине реки Псахо, что близ Сочи, с целью руководства совместными действиями

абадзехов, шапсугов и убыхов против русских войск. Он получил название «Великого свободного заседания» или Высшего Национального совета. Национальный совет состоял из 15 избранных человек, по 5 от каждого «племени», одного муфтия и одного кадия. Во главе его стал Хаджи Керандук Берзек. В руководство совета входили Заноко Карабатыр, Измаил Баракай-ипа Дзиаш, Биш Хасан-эфенди.Территория объединившихся горцев была поделена на 12 округов. В округах имелись административные центры — мягкеме под началом муфтия, кадия и мухтара (старшины). Округа делились на участки, по 100 дворов в каждом. Участковый — заптие — подчинялся мягкеме и контролировал исполнение воинской повинности (по 5 вооруженных всадников от 100 дворов), уплату налогов в фонд обороны. Меджлис или Национальный совет от имени народа поддерживал связи со Стамбульским Черкесским комитетом (комитетом помощи Черкесии), а через него с Лондонским Черкесским комитетом. Здание меджлиса находилось в долине реки Псахо. В его постройке участвовали также абазины: ахчипсху, аибга и прибрежные садзы-джигеты. 19 июня 1862 года все постройки меджлиса были сожжены морским десантом кутаисского военного губернатора (1861-1863) Н.П. Колюбакина.

Дальнейшая, после учреждения меджлиса, тактика горцев заключалась в намерении добиваться признания Черкесии одной из воюющих сторон, отражающей агрессию иностранного государства и, в конечном итоге, заключения мира с Россией.

В июле 1861 года генерал Евдокимов направил в землю абадзехов отряд для занятия верховьев реки Фарс и устройства станиц. Прибывшая в укрепление Хамкеты для встречи с генералом делегация меджлиса обвинила его в нарушении обещаний, данных в 1860 году абадзехам не строить в их земле новых укреплений и просила отвести войска назад. Евдокимов отвечал, что заключением союза с убыхами и шапсугами абадзехи нарушили присягу в покорности, данную царю, и сейчас должны безо всяких условий подчиниться новым порядкам и управлению. А вот что по поводу этой встречи писал в своих мемуарах начальник главного штаба генерал Милютин. По его словам, депутаты прибыли «с предложением условий покорности, или вернее примирения». Однако Евдокимов заявил, что требует не мирного соседства, а безусловной покорности и переселения в назначенные места прикубанской равнины. И уничижительно, свысока добавил: «Такова непременная воля самого Белого Царя».

Горцы понимали, что уничтожение лесов, устройство просек и дорог позволит русским беспрепятственно проникать вглубь их земли, и делали все возможное, чтобы чтобы сорвать рубку леса. Эти методы сокращения возможности горской (партизанской) войны Евдокимов практиковал как на Восточном, так и на Западном Кавказе. Исследователь истории Кавказской войны В.В.Лапин полагает, что рубка леса «в психологическом плане была близка и понятна русскому солдату, который видел в вековых деревьях своего врага: чинара и спрятавшийся за ней горец составляли некое враждебное единство. Местный официоз — газета «Кавказ» - писала о рубке леса как о боевых действиях».

«С теми же несбыточными просьбами» о прекращении военных действий, рубки лесов и проложения дорог, по словам Милютина, в августе 1861 года меджлис направил в Тифлис к наместнику царя на Кавказе князю Барятинскому свою делегацию. В составе посольства были: представитель абадзехов Гасан Бидхев, убыхов — Хаджи Керандук Берзек, шапсугов — Ислам Тхаушев. Их сопровождал полк генерал-майора русской службы абазинского князя Мамат-Гирея Лоова. Встретивший делегацию временно исполнявший обязанности главнокомандующего Кавказской армией генерал-адъютант Г.З.Орбелиани подтвердил все требования Евдокимова и сообщил о скором прибытии на Кубань императора Александра II и о возможной встречи его с горцами. Как сообщал военный историк генерал С.Эсадзе, князь Орбелиани обратился к абадзехам, убыхам и шапсугам с

посланием, в котором писал: «Государь император не желает проливать кровь вашу, не желает нарушать ни вашей религии, ни прав вашей собственности. Он желает мира и благоденствия, как и всем своим верноподданным. Вы нарушаете этот мир. Государь каждому из вас, кто изъявит покорность, приказал: дать землю для поселения, дозволить исповедовать мусульманскую веру без стеснения и в селениях ваших строить мечети, не брать вас в солдаты и не записывать в казаки, предоставить каждому селению и округу выбирать из среды своей судей и старшин для разбора всех ваших дел. Для того, чтобы решение судей исполнялось и чтобы никто из вас не обижал другого, будут поставлены начальники».

Дав обещание приостановить все подготовительные работы по устройству станиц до возвращения послов из Тифлиса, генерал Евдокимов, напротив, использовал это время для прокладки дорог и просек в междуречье Лабы и Белой.

Одновременно с посылкой депутации в Тифлис лидеры меджлиса направили послание английскому консулу в Сухуме Диксону. В нем сообщалось о заключении горными черкесами «чрезвычайного союза» для совместной борьбы с русскими войсками, об учреждения меджлиса, об административно-территориальных преобразованиях в их владениях. Горцы писали также о желании добиваться признания своей независимости другими государствами и просили Англию оказать им в этом дипломатическую и политическую поддержку и посредничество. Они подчеркивали, что уже много лет отстаивают свои земли и что их «действия согласны с правами человечества». Пишущие выражали беспокойство тем, что «...назначен русским правительством для насильственного покорения черкес генерал Евдокимов. Он окружил наш край многочисленными войсками с трех или с четырех сторон, намереваясь уничтожить нас». В письме говорилось, что после возвращения депутатов из Тифлиса «меджлис вольности черкесов» намерен обратиться с прошением к английскому правительству.

Выбор адресата был далеко не случаен: горцы хорошо знали об авторитете Англии в международных делах и о ее могуществе, а также, безусловно, учитывали ее враждебные отношения с Россией. Советский историк-кавказовед А.В.Фадеев отметил сам тон письма: никаких заискиваний перед великой державой, ни просьб о принятии в подданство. Говоря его словами, адыги и убыхи искали «не столько покровителя, сколько союзника». По ряду известных причин письмо к адресату не попало, однако сам факт обращения их к Англии насторожил русское правительство.

11 сентября 1861 года на Тамани состоялась первая встреча «мирных и немирных» черкесов (более 500 человек, по данным источника) с Александром II. Они прибыли, чтобы просить царя не выселять их с Кавказа. Как писал полковник С.Эсадзе, черкесы выразили готовность стать подданными России и подчиниться ее законам, «строить дороги, укрепления, казармы для войск... и жить с ними в мире и согласии». Они просили лишь об одном — не выселять «с тех мест, где родились и жили... отцы и деды» их: «отныне мы эти места, наравне с войсками вашими, будем защищать от врагов до последней капли крови нашей... Не выселяйте только нас и смотрите на нас, как и на остальных ваших верных подданных...». Чтобы «до времени не раздражать» неприятеля, царь пообещал им сделать все возможное.

Существует свидетельство, что генерал Евдокимов, опасаясь якобы,
что встреча представителей меджлиса с «мягким» Александром II может на какое-то время приостановить военные действия, пошел на безнравственный и подлый шаг. «Зная легковерность азиатов, - писал М.И.Венюков, - он командировал к ним ночью полковника Абдрахманова и приказал ему внушить горцам, что они могут требовать теперь всего,

даже удаления наших войск за Лабу и Кубань и срытия укреплений. Те поддались на коварный план, и участь их была решена».

Военный министр генерал Милютин, добиваясь того же, что и Евдокимов, еще перед встречей Александра II с черкесской делегацией на Кавказе, как отмечал профессор А.Х.Касумов, в служебной записке высказал свою точку зрения по вопросу окончания Кавказской войны. Он писал: «Следовательно, по моему убеждению, прибытие теперь депутации от, так называемых, черкесских племен не может иметь никаких результатов. Факт этот имеет одно лишь то значение, что явно обнаруживает безвыходное положение, в которое поставлены ныне племена Западного Кавказа, ввиду грозного наступления в них казачьих поселений. Горцы видят близкий и неминуемый конец вековой борьбы; они чувствуют, что вскоре могущественное казачье население совсем задавит их. Они делают последнее усилие соединиться против нас и прежде, чем поднять еще раз оружие, делают попытку приостановить напор наш... Переговоры в настоящее время не могут иметь другой цели, как только задержать ход нашего завоевания. Быть может, даже есть при этом тайный расчет протянуть борьбу до новой европейской войны, ожидаемой с нетерпением нашими врагами, внешними и внутренними.

По всем этим соображением, смею думать, что прибытие черкесской депутации и миролюбивые ее заверения не должны иметь ни малейшего влияния на исполнение нашего плана действий в Западном Кавказе. Мы должны настойчиво продолжить заселение края казаками, ибо не могу отступить от своего всегдашнего убеждения, что, только вытеснив туземцев из гор и заняв их место казаками, можем прочно утвердиться в крае, водворить в нем спокойствие и не опасаться уже потерять Кавказ при первом разрыве с морскими державами».

18 сентября делегация меджлиса, вернувшаяся на родину из Тифлиса, сотни конных абадзехов, шапсугов и убыхов прибыли в верховья реки Фарс, вблизи бывшего аула Мамрюк-кай, неподалеку от строившейся Верхне-Фарской станицы (с 1862 года - Царская, с 1920 - Новосвободная) на встречу с Александром II. В русский лагерь, непосредственно на встречу с царем, было приглашено 50 человек. Руководитель меджлиса Хаджи Керандук Берзек, обратившись к Александру II, сообщил о согласии горцев принять русское подданство при условии оставления их на местах. Как писал И.В.Бентковский, «горцы повели было речь как представители воюющего народа и даже наметили несколько условий мирного договора, но государь быстро их прервал, сказав, что если они принесли безусловную покорность, то он ее принимает». В таком случае горцы, как было заявлено, должны прежде всего прекратить свои нападения, переселиться на указанные места по Кубани, выполнить все требования русской власти и в доказательство своей покорности сейчас же выдать русских пленных и дезертиров. «Молчание было ответом на слова государя, - писал С.Эсадзе. - Сделалось очевидным, что явившиеся в лагерь старшины и депутаты были представителями не целого народа, а только одной части, действительно желавшей прекращения войны».Тогда Берзек сказал, что у них есть письменная просьба. Царь принял это прошение и объявил депутатам, что рассмотрением его и вообще их (горцев) дальнейшим «устройством» он поручил заняться графу Евдокимову. И добавил: «Я даю месячный срок — абадзехи должны решить: желают ли они переселиться на Кубань, где получат земли в вечное владение и сохранят свое народное устройство и суд, или пусть переселяются в Турцию».

Присутствовавший при разговоре Александра II с черкесской депутацией генерал М.Я.Ольшевский имел свое мнение об условиях, которые предлагались горцам на Кубани. Как он писал, «променять свои заветные, дышащие здоровьем, свободой, независимостью горы и леса на зловредные равнины Черноморья и болотные низменности Большой Лабы

— не значит ли отдать себя на жертву лихорадок? И действительно, если страшно болели живущие там казаки, как родившиеся среди миазм, или переселившиеся туда со степного пространства, то каким образом могли перенести эту миазму жители гор, дышащие всегда свежим, здоровым воздухом?»

В своем ходатайстве, так называемом «Меморандуме союза черкесских племен», горцы, в частности, просили о «неприкосновенности земель своих, чтобы не строить крепостей, станиц, не проводить дорог». Процитируем сохранившийся фрагмент текста упомянутого исторического документа: «...Эти земли принадлежат нам: мы их унаследовали от наших предков, и стремление удержать их в нашей власти является причиной нашей долгой вражды с вами. Мы приняли новое государственное устройство и наше намерение — управлять нашей страной со строгой справедливостью и человечностью, не причиняя никому несправедливости. Народ с такими добрыми намерениями должен был бы внушить симпатию такой могущественной державе, как ваша. Уничтожить такого невинного соседа не принесет вам чести. Вы высказывали, при некоторых обстоятельствах, симпатию народам, стремящимся к к независимости , почему вы не хотите поступить также по отношению к нам?

Мы делаем все возможное, чтобы справедливо управлять нашей страной и придерживаться новых, изданных нами законов. Мы хотим обходиться по-справдливости с нашими соотечественниками и уважать жизнь и собственность иноземцев, приезжающих к нам. Что является задачей такой могущественной державы, как ваша страна: уничтожить такой маленький народ или помочь нам в проведении наших реформ? Мы решили обратиться с нашим делом ко всем великим державам: вы одна из них и мы излагаем вам наше дело в справедливом освещении.

Будьте к нам справедливы и не разоряйте наше имущество, наши мечети, не проливайте нашу кровь, если вас на это не вызывают. Для могущественной державы позорно отнимать без необходимости у человека жизнь.

В продолжение этой противозаконной войны захват в плен беспомощных женщин и детей является противоположностью всему справедливому и доброму. Вы вводите в заблуждение весь мир, распространяя слухи, что мы дикий народ и под этим предлогом вы ведете войну с нами; между тем мы такие же человеческие существа, как и вы сами. Не стремитесь проливать нашу кровь, так как мы решили защищать нашу страну до последней крайности...».

В октябре 1861 года в укрепление Майкопское для встречи с генералом Евдокимовым вновь прибыла горская депутация с теми просьбами, что и прежде. Генерал потребовал, чтобы все оставшиеся в горах абадзехи и шапсуги к ноябрю обязательно бы определились — уйдут они на равнину или в Турцию. В противном случае, как было сказано, он пошлет войска и они «очистят» горы «силою оружия».

После отъезда царя из Кубанской области русские войска продолжили рубку просек, прокладку дорог и устройство казачьих станиц. Этим работам, как правило, предшествовало очищение местности от населения. Колонизация сопровождалась принудительным, чаще насильственным переселением горцев с насиженных мест, в том числе в Турцию. На этот раз оно затронуло абазин, а также часть адыгов из восточных предгорий Черкесии. В 1861 году здесь возникло 10 новых русских станиц, причем 5 из них за Лабою.

В ответ на это горцы, как писалось, подняли восстание. В борьбу с захватчиками вновь

активно вступили абадзехи. Из депеши русского посланника в Турции министру иностранных дел России от 27 января 1863 года следовало, что весной прошедшего года черкесы, объединившись, «дали клятву продолжать войну или же, в случае поражения, массово эмигрировать...Они потеряли всякую надежду на помощь извне».

Конец 1861 и весь 1862 год прошли в столкновениях с русскими отрядами. Так, по словам генерала Милютина, «20 ноября шайка горцев произвела нападение на команду, рубившую просеку на левом берегу реки Белой, причем были в войсках убитые и раненые. На другой же день более значительное скопище абадзехов проникло до станицы Ново-Лабинской (на низовьях Лабы, не далее 20 верст от Кубани) и произвело нападение так внезапно, что едва не ворвалось в станицу. Два раза горцы возобновляли натиск, но были окончательно отбиты подоспевшими двумя ротами пехоты и казаками соседних станиц».

К концу 1861 почти все горское население между верховьями Кубани и Белой было уже вытеснено оттуда. Часть из них переселилась на указанные Евдокимовым места на равнине, большинство же ушло на южные склоны Главного хребта с намерением переселиться в Турцию.

Сопротивление продолжали шапсуги и абадзехи. Как писал тот же Милютин, «они еще пытались где только можно противодействовать заселению края казаками, нападая не только на передовые наши отряды и выдвинутые далеко в горы казачьи станицы, но и предпринимали по временам нападение на задние станицы».

Как писал участник зимнего похода 1861-1862 годов против абадзехов и абазин с правого берега реки Белой, «война шла с неумолимою, беспощадною суровостью. Мы продвигались вперед шаг за шагом, но бесповоротно и очищая от горцев, до последнего человека, всякую землю, на которую раз становилась нога солдата. Горские аулы были выжигаемы целыми сотнями, едва сходил снег, но прежде чем одевались зеленью (в феврале и марте); посевы вытравливались конями или даже вытаптывались. Население аулов, если удавалось захватить его врасплох, немедленно было уводимо под военным конвоем в ближайшие станицы и оттуда отправляемо к берегам Черного моря и далее в Турцию...».

В июне 1862 года меджлис принял решение отправить специальное посольство в Стамбул, Париж и Лондон, а также в Египет с просьбой об оказании помощи Черкесии. (русские дипломаты говорили: «Черкесские делегации были посланы в Европу для зондирования мнения иностранных держав».) Для покрытия расходов посольства меджлис наложил на каждый двор от Туапсе до Адлера специальный денежный сбор. Посольство возглавил убых Измаил Баракай Дзиаш (Дзейш). О его военной деятельности известно мало. Источник говорит о том, что он вместе с Хаджи Керандуком Берзеком собирал в 1857 году большое ополчение убыхов для похода на Гагры. Измаил Баракай был сторонником привлечения европейской помощи в борьбе с Россией, много сделал для этого на дипломатическом уровне. Как известно, одним из делегатов, отправившихся в Лондон, был Биш Хасан-эфенди.

Черкесский комитет в Стамбуле, куда входили представители черкесской и польской эмиграции развернул активную деятельность в поддержку Черкесии, в том числе собирал оружие, военные припасы, другую материальную помощь. На средства Стамбульского комитета в Англии было заказано для Черкесии несколько тысяч ружей. Русский посол в Стамбуле вынужден был отметить, что «под влиянием происков польских эмигрантов кавказский вопрос все более и более привлекает на себя общественное мнение Европы и становится орудием враждебной политической пропаганды». Из Стамбула трое членов

депутации меджлиса на средства местного Черкесского комитета отправилось в Лондон.

Сторонниками Черкесии в Лондоне были организованы многолюдные митинги и собрания, которые прошли в крупных промышленных городах Англии. Их участники требовали, чтобы королева Виктория поддержала адыгов в их борьбе за независимость. Созданный Черкесский комитет должен был ходатайствовать перед правительством и парламентом «о защите прав храброго черкесского народа». В защиту Черкесии выступила пресса. Послание меджлиса было передано королеве Великобритании. И все же миссия делегации оказалась неудачной. Британское правительство вынуждено было сохранять нейтралитет в силу тогдашней сложной международной обстановки, не захотело вмешиваться, как оно считало, во внутренние дела России. Тем более, писал А.Г.Дзидзария, «в определенных правительственных кругах Британской империи уже созрело мнение о нецелеобразности дальнейшей ставки на кавказских горцев в Восточном вопросе и, следовательно, о нецелесообразности серьезных денежных затрат на организацию им военной помощи». Российский посол в Лондоне И.Ф.Бруннов информировал министра иностранных дел России «о неудачах их представителя в британском кабинете», а также о «почти симпатиях парламента».

По возвращении в конце 1862 года делегатов меджлиса из Европы в Стамбул, руководство Черкесского комитета в Турции обратилось с воззванием (манифестом) к черкесскому народу, главная мысль которого заключалась в необходимости прочного союза и продолжения борьбы с захватчиками («не на жизнь, а на смерть», по выражению русского посла в Турции). В своей депеше посол сообщал, что решение об этом было принято Центральным советом (меджлисом), находившимся в Стамбуле и отложившим на некоторое время свое возвращение в Черкесию по просьбе турецкого правительства. В воззвании говорилось также об оказании помощи государствами — врагами России в освобождении Черкесии. Манифест был подписан Карабатыром Заноко и Измаилом Дзиашем. Тогда же Стамбульский комитет отправил прошение турецкому правительству об оказании помощи черкесскому народу и о принятии его в подданство Оттоманской империи. Члены Черкесского комитета считали это возможным и необходимым, «потому что всякий народ имеет право избрать какое-нибудь государство, чтобы оно покровительствовало ему и оберегало его от притеснений другого государства». В тексте воззвания шла также речь о наибе Мухаммед-Амине как о предполагаемом наместнике турецкого «правительства» в Черкесии. Под прошением стояли подписи 23 человек.

В своей записке военному министру Милютину от 17 января 1863 года советник русского посольства в Турции полковник Франкини оценивает вышеупомянутые документы (манифест, ходатайство), другие агентурные данные и, наконец, саму организацию меджлиса как «призыв к священной войне». Он передает слухи о начале весной 1864 года черкесского восстания, причем якобы с участием дагестанцев. Но пока, по его словам, у черкесов нет лидера и они «объединяются вокруг Порты». В.А.Франкини предполагал, что они согласились бы избрать наиба своим руководителем, если Турция взяла бы черкесов под свою власть, но эта кандидатура, насколько ему было известно, устраивала одних убыхов.

Обобщая различные сведения и слухи, Франкини писал, что «самые недоверчивые из них после неудачи поездки их депутатов в Лондон убедились в том, что им нечего в дальнейшем ждать от Европы, и сегодня они хорошо понимают, что все надежды, которые у них были до сих пор, являются иллюзиями, от которых необходимо отказаться. Умом, в котором им природа не отказала, и приобретенным опытом люди этой страны изо дня в день убеждаются в том, что современная Турция не может быть для них продолжительной опорой. Они понимают, что они одиноки и останутся одинокими в борьбе против России

и конец этой неравной борьбы не может долго оставаться неопределенным».

«Желая избежать для своей страны опустошительной, истребительной войны, - продолжал он далее, - и желая сохранить свои права и свою судьбу, они становятся то на один, то на другой путь борьбы, пытаясь узнать об условиях, на которых Россия согласится пойти на перемирие. Они лелеют мечту об автономии, основанной на более или менее широких правах в сюзеренитете России». В заключении полковник сообщал, что, как ему кажется, между руководством меджлиса и непокорными горцами установилось «хорошое взаимопонимание» и что это «в некоторой степени облегчит переговоры» с российским правительством, если они все же случатся.

Здесь будет уместным вспомнить еще одно высказывание «воинственного», по выражению А.Х.Касумова, Милютина в связи с размышлением В.А. Франкини о пользе мирных переговоров с шапсугами и убыхами восточного берега Черного моря. На представленной ему «Записке» Милютин написал: «Те надежды, которые полковник Франкини возлагает на переговоры с горцами, на заключение с ними какого-то трактата — представляются совершенною мечтою для каждого, кто ближе знает, что значит иметь дело с кавказскими горцами, а в особенности, с так называемыми черкесами. Вести с ними переговоры — значит обманывать самих себя, терять время для более существенного образа действия и приготовить себе, на случай черного дня, новое разочарование. Надобно во что бы то ни стало покончить навсегда с Кавказом; а для этого поневоле надобно откинуть в сторону все ребяческие затеи мнимой филантропии и черкесомании».

Согласно русским дипломатическим документам, «многие» делегаты меджлиса общались с переводчиком русского посольства в Турции, желая выяснить саму возможность таких переговоров. Достоверно известно, что к этой группе меджлиса (если она имела место быть) относился Измаил Дзиаш. Так, из донесений переводчика посольства следует, что тот якобы советовал черкесским депутатам обратиться непосредственно в Санкт-Петербург, так как кавказские власти не пользовались у него лично доверием. (По словам переводчика, в неудаче встречи депутатов меджлиса с Александром II в 1861 году Дзиаш «видел дурную волю некоторых наших влиятельных людей». Читай: генерала Евдокимова.) Однако, узнав о назначении нового наместника Кавказа и связывая с этим определенные надежды на прекращение войны, Измаил готов был ехать с прошением к нему.

Одновременно с направлением посольства в Европу, в связи с наступлением войск Евдокимова на Абадзехию, меджлис постановил «обнародовать призыв к священной войне и отправить в землю абдзахов на все лето несколько тысяч человек и принудить к такому же содействию джигетов». В 1862 году на северных склонах Главного Кавказского хребта шла, по выражению ученого А.В.Фадеева, «ожесточенная борьба буквально за каждую пядь земли абдзахов». Среди посланных меджлисом были 4-5 тысяч убыхов. Объединившись с абадзехами, они нападали на казачьи станицы и укрепления, неся при этом немалые потери. К примеру, участник завоевания Кавказа командир батальона Севастопольского пехотного полка (под началом полковника В.А.Геймана) М.И.Венюков упоминает в своих мемуарах, как летом 1862 года «убыхи из-за хребта проникли на верховья Большой Лабы и разгромили станицу Псеменскую, да и вообще тревожили Верхнелабинскую линию». Однако горцы все более убеждались в невозможности сдержать продвижение русских войск в Абадзехию.

Кутаисский генерал-губернатор Колюбакин сообщал начальнику главного штаба Кавказской армии: «Очевидно было, что противу войск графа Евдокимова, решающих, можно сказать, судьбы Кавказа, соединились, одушевленные беспримерным

единомыслием, все живые силы непокорных земель». Видимо, не зря 1862 год был назван одним из участников событий самым тяжелым «в борьбе с туземцами Закубанского края, сделавшим перелом войны на Западном Кавказе». Но перелом этот был однако не в пользу черкесов: уже летом 1862 году колонизация шагнула за реку Белую, в Абадзехию (возведена станица Пшехская), а в 1863 году было занято войсками и колонизировано пространство между Белой и Пшишем, с одной стороны, и Адагумом и Илем — с другой.

С мая 1862 года колонизация захваченных у горцев земель и, следовательно, их выселение приняли официальный характер. Но исполнение плана Евдокимова началось, как известно, еще год назад, а точнее - даже с лета 1860 года. В 1860-1861 годах войска занимались рубкой просек, прокладкой дорог, которые должны были соединить будущие станицы между собой и с уже существовавшими, подготовкой местности под поселения, огораживанием станиц и постов, устройством мостов, а также «истребляли остатки аулов» (чтобы горцам некуда было возвратиться). Короче, велись подготовительные работы для заселения предгорий летом 1861 года новыми казачьими станицами.

Часть 2

Часть 2 - **Часть 3**

В своем рескрипте (письме) от 24 июня 1861 года на имя наказного атамана Кубанского казачьего войска генерала Евдокимова император Александр II поручил ему составить план заселения предгорий Западного Кавказа казаками и «проект о наделении горцев землями в Кубанской области взамен земель, занимаемых новыми станицами». В названном проекте, по мнению генерала Фадеева, «предполагалось основательно, как доказало потом событие, что значительная часть горцев не захочет подчиниться русской власти и уйдет в Турцию». Действительно, Евдокимов в этом не сомневался. Он, в частности, писал: «Чем больше окажется таких переселенцев, тем меньше затруднений мы будем иметь при дальнейшем устройстве покоренного края». Генерал рассчитывал на помощь казны в аренде морских судов «для перевозки всех абадзехов и шапсугов, желающих отправиться в Турцию». Только в этом случае, считал он, «вероятно большинство непокорных увлеклось бы бесплатным провозом и оставило бы родину без борьбы с нами». А расход казны, по Евдокимову, «с лихвою вознаградился бы ускорением окончания войны». Оставалось только подтолкнуть к этому горцев.

(К слову сказать, Евдокимов получил разрешение на переселение горцев морем за счет казны. Однако этот вопрос долго оставался открытым. Практически вплоть до 1864 года русская сторона не принимала непосредственного участия в переселении: не нанимала судов для перевозки горцев в Турцию, не выдавала денежных пособий. Россия предоставляла изгнанникам «самим распоряжаться своим переездом по ближайшему их усмотрению», «на свой страх и счет».)

Тем же рескриптом от 24 июня 1861 года были увеличены льготы и пособия казакам Кубанского казачьего войска, переселявшимся на передовые линии. (Однако летняя колонизация 1861 года была сорвана в связи с отказом Хоперского казачьего полка переселяться целыми станицами. Вместо 17 станиц Евдокимову удалось водворить лишь 8, назначенных еще осенью 1860 года, преимущественно из «охотников».)

К весне 1862 года «Положения о заселении предгорий Западной части Кавказского хребта

кубанскими казаками и другими переселенцами из России», а также «Проект о наделении горцев землями в Кубанской области, взамен земель, занимаемых новыми станицами» были готовы. В апреле-мае предложения, подготовленные управлением иррегулярных войск военного ведомства России, были одобренны без существенных изменений Военным Советом и Кавказским комитетом (3 мая), а 10 мая 1862 года Положение (37 с.) и Проект (4 с.) утвердил Александр II. На Положении стоит его подпись «Быть по сему».

Положением предусматривалось занять Черкесию от ее северных границ до Главного Кавказского хребта и реки Макопсе, впадающей в Черное море, казачьими станицами «с целью окончательного покорения горских племен, остающихся враждебными» России. Все отмеченное пространство было поделено на две части: южная полоса, лежащая в предгорьях и горах, - 1360 тысяч десятин удобных для хозяйствования, - предназначалась для казаков; северная, примыкающая к Кубани и Лабе, - 1014 тысяч десятин - для горцев. «Обширные пространства, вновь отводимые казакам, - писал генерал Фадеев, - превосходят своим плодородием и обилием всех хозяйственных статей, лучшие земли в империи». Завершить колонизацию планировалось минимум через 6 лет. (За счет вытеснения горцев в Турцию Евдокимову удалось сделать это за 5 лет — в 1861-1865.)

Основную часть переселенцев-казаков поставляло Кубанское войско (12.400 семьи). От Азовского выделялось 800 семей, от Донского — 1200. Кроме того, планировалось поселить 2.000 семей государственных крестьян и 600 — от женатых нижних чинов Кавказской армии. Всего для колонизации горских земель, в том числе приморских от устья реки Макопсе до устья (старого) Кубани, по Положению, требовалось 17.000 семей. К заселению привлекалось также 170 офицерских семей. Казаки получали от 20 до 30 десятин на каждую душу мужского пола казачьей семьи и по 200 десятин на каждую офицерскую семью удобной и неудобной земли. Тем семьям, которые переселялись добровольно, назначались дополнительно участки в частную и потомственную собственность: каждой офицерской семье от 25 до 50 десятин и каждой семье любого сословия от 5 до 10 десятин удобных земель.

В соответствии с Положением на генерала Евдокимова возлагались «непосредственные распоряжения по исполнению всех мер для заселения». Он был обязан ежегодно предоставлять главнокомандующему Кавказской армией план военных действий, а также предложения о числе переселенцев для водворения их весной следующего года.

Согласно вышеназванному Проекту для поселения закубанских горцев, земли которых занимались казачьими станицами, выделялось четыре участка: в Натухайском округе — 100 тысяч десятин; между реками Адагумом и Белой — 251 тысяча; между рекой Белой и Большой Лабой — 200 тысяч; между Кубанью и нижней частью реки Большой Лабы — 463 тысячи десятин. Всего — 1014 тысяч десятин земли. За минусом до 50 тысяч десятин «еще не осушенных болот», находившихся по низовьям рек, впадавших в Кубань, и 100 тысяч десятин четвертого участка, где уже жили адыги, в том числе, как сказано, частные владельцы, отказавшиеся от переселения в Турцию, на долю «всех будущих выходцев с гор», в том числе южного склона, пришлось 864 тысячи десятин земли. На этих участках предполагалось поселить 151.300 человек, в том числе: махошей — 3.000, егерукайцев — 3.000, верхних и нижних абадзехов — 70.000, кубанских и черноморских шапсугов — 60.000 натухайцев — 15.000 и 300 человек абазин-баракаев.

Им и 10.000 бжедугов, уже жившим на указанном пространстве, Евдокимов предлагал отвести от

4 до 5,5 десятин на одну мужскую душу. Этот надел он считал «весьма изобильным» для горцев. Как тут не вспомнить слова этого недоброй памяти генерала: «Я считаю себя вправе предоставить горцам лишь то, что останется на их долю после удовлетворения последнего из русских интересов». В своем проекте, который был утвержден без изменений, он писал, что назначенный для казаков большой надел имел целью «развить между казачьим населением обширное скотоводство и особенно коневодство». Они заслужили это своей службой, считал Евдокимов. В противоположность казакам, по его мнению, «для горцев большой поземельный надел положительно будет вреден». И объяснял свое решение так: «Изобилие земли даст им возможность пренебрегать ея возделыванием и заниматься усиленным скотоводством. Этот промысел, когда он берет перевес над земледелием, приучает жителей к праздности, и отсюда развивается и поддерживается у них страсть к хищничеству. Напротив, ограниченность поземельных угодий заставляет горцев заняться обработкою своих земель, а с тем наделом они должны будут отказаться от своей страсти к наездничеству, которое возможно только при изобилии табунов».

В Проекте оговаривалось, что если число оставшихся на родине горцев превысит указанное (161.300 человек), тем, кому не хватит земли на Кубани обещали выделить ее в ногайских степях Пятигорского уезда. Все вопросы, связанные с переселением горцев на равнину, были представлены на усмотрение командующего войсками Кубанской области генерала Евдокимова, формально с соблюдением «условий, необходимых для облегчения горцам переселения».

На 1861-1863 годы пришелся самый активный период колонизации Северо-Западного Кавказа Россией. Но чтобы его «превратить в чисто русскую область, - писал А.Зиссерман, - нужно прежде завоевать его и довести туземное полумиллионное население или до безусловной покорности, или до выселения в Турцию..., заселение являлось уже последствием завоевания и становилось возможным благодаря уходу туземцев в Турцию».

На вынужденный характер выселения черкесских горцев в Турцию указывает и донесение временно исполнявшего обязанности командующего Кавказской армией в 1861-1862 годах генерала Г.З.Орбелиани, который писал: «В последнее время весьма многие из горцев, пренадлежавших к непокорным еще нам племенам западной части Кавказа, будучи теснимы нашими войсками, ищут возможности удалиться в Турцию... Имея в виду, что всякое противодействие намерению этих горцев удалиться из отечества, при том крайнем положении, в которое они поставлены действиями войск наших, было бы в отношении к ним только излишнею жестокостью, ничем неоправдываемою, я разрешил ген.-адъют. гр. Евдокимову дозволить всем горцам, принадлежащим к племени шапсугов, абадзехов и непокорным натухайцам, отправляться в Турцию из Константиновского укрепления и других пунктов нашего прибрежья».

Военный министр генерал Милютин в своих воспоминаниях так отзывался о ходе колонизации: «План Евдокимова проводился в исполнение с настойчивостью и беспощадною суровостью относительно вытесняемого из гор туземного населения. Горцы были на него так озлоблены, что, по слухам, решили убить его, для чего выбрали из своей среды 8 человек, обязавшихся привести это решение в исполнение». Жестокое покорение Западного Кавказа справедливо связывается с именем генерала Евдокимова. Его сослуживец генерал Филипсон, которого тот сменил на посту начальника Кубанской области, вполне заслуженно назвал Евдокимова «покорителем-истребителем черкесских племен».

Заселение в мае 1861 года передовых казачьих станиц Каладжинской, Ахметовской, Псеменской, Андрюковской на левом берегу Большой и Малой Лабы и предполагавшееся возведение в том же году станицы на реке Ходз (Бесленеевская), вдоль течения которой жили бесланейцы, поставило русских «в прямое столкновение» с ними. Колонизация потеснила и абазин — остальных башилбайцев, а также тамовцев, кизилбековцев, баговцев, шахгирейцев (чагрей), здесь проживавших. Всем им было предложено перейти на равнину или отправляться в Турцию в самый короткий срок.

Как писал неустановленный знаток русской колонизации, «дело началось с бесленеевцев, как с племени самого вредного и опасного для нас, дававших всегда отличных вожаков в наши пределы и вообще предводительствовавших набегами на наши границы. На мирный исход дела рассчитывать было нельзя». 20 июня 1861 года, «вследствие упорства», 4.000 бесланейцев было внезапно окружено войсками и насильно выведено с Ходза на правый берег реки Урупа. Уже оттуда 600 семей отправилось под конвоем для отплытия в Турцию, остальные 200 семей было поселено в Нижне-кубанском приставстве, на левой стороне Кубани, на указанных местах , образовав, как говорилось, «первое ядро» закубанских аулов.

Одновременно шло переселение в Турцию кабардинцев из Большой и Малой Кабарды. По официальным данным, приведенным А.Х.Касумовым, в течение 1860-1861 годов их число достигло 10.343 человек (вместе с некоторыми другими кавказцами). Н.Ф.Грабовский, на которого ссылается Г.А.Дзидзария, сообщал, что в указанные годы выселилось 881 кабардинское семейство, что составляло 1/8 часть населения Кабарды. Он же указывал, что «и в последующие годы кабардинцы неудержимо продолжали эмигрировать в Турцию, хотя и не в таком количестве, как в первые два года». На землях Малой Кабарды, освободившихся в 1860 году после ухода части ее населения в Турцию, генерал Евдокимов полагал поселить чеченцев и карабулаков. Но, видимо, не успел. В ноябре 1861 года командующим войсками Терской области вместо Евдокимова был назначен генерал-лейтенант князь Д.И.Святополк-Мирский, который, по словам Берже, «не разделял его убеждений» в этом вопросе.

Вслед за бесланейцами, во второй половине 1861 года, перечисленные выше небольшие абазинские общества из верховьев Большой и Малой Лабы, Урупа и Ходза без сопротивления подчинились требованиям генерала Евдокимова: часть их переселилась на равнину за реку Белую, остальные собрались уходить в Турцию. О чагреях (чегреях) известно, что, покинув в 1861 году свои селения, они провели зиму 1861-1862 годов в районе Главного Кавказского хребта, а весной в подавляющем большинстве выселились в Турцию. Согласно этнографическим данным Л.И.Лаврова за 1928 год, небольшая часть чегреев вышла к русским и была поселена на левом берегу реки Ходза, «откуда не позже 1863 года, - писал он, - перешла на то место, где и теперь расположено их селение Апсуа (бывшее Чегрей или Шахгиреевское). Еще совсем недавно абазины жили в черкесских селениях Ульском, Кошехабле, Ходзе, до 1890 года, до выселения в Турцию, жили и в ауле Унароковском».

Согласно порядку, установленному русским правительством, вынужденные переселенцы (в данном случае речь идет об абазинах) должны были обратиться с просьбой к командующему войсками Кубанской и Терской областей Евдокимову дать им на это разрешение. В своем отзыве управляющему военным министерством главнокомандующий Кавказской армией докладывал, что он «разрешил генерал-адъютанту графу Евдокимову увольнять желающих из упомянутых племен в Турцию», «принимая во внимание, что соседство этих полувраждебных нам племен,

привыкших к хищничеству, держит в тревожном положении наши казачьи поселения в горах». А раз они сами уходить не хотят, писал далее генерал Орбелиани, выселять их на плоскость придется «силою оружия», но это будет, по его словам, «сопряжено с потерею людей (солдат. - Т.П.) и времени». Пусть уж лучше отправляются в Турцию.

Таким образом, к концу 1861 года все пространство между верховьями Урупа и Ходза до Главного хребта было очищено от местного населения. На верхней Лабе, Ходзе, Гупсе, Фарсе и Белой (правый берег) насчитывался целый ряд водворенных летом казачьих станиц. Продолжалось устройство новой линии постов вверх по реке Белой. Новая Белореченская линия отрезала у горцев большое пространство земли между Лабой и Белой.

Постройка летом 1861 года станиц Губской (на реке Гупс, притоке Ходза), Нижне-Фарской и Кужорской (на реке Кужор, притоке Фарса) сдвинула с обжитых мест черкесов, проживавших в предгорной полосе между Лабой и Белой. 10 тысяч закубанских кабардинцев с реки Фарс первыми были вынуждены освободить свои земли и переселиться на указанные места по реке Ходз. За ними вышло для поселения на равнине 50 семей темиргойцев (чемгуй), живших в горах с конца 1840-х годов. Так образовалось «ядро» залабинских аулов (не считая небольшого числа темиргойцев, проживавших в низовьях Лабы), к которым стали приселять последующих выходцев с гор, абадзехов прежде всего. О горных темиргойцах известно, в частности, что в 1840-1850-х годах темиргойский князь Карабек Болотоков, под давлением Мухаммед-Амина, переселился за Белую и увел с собой, кроме темиргойцев, мамхегов и егерукайцев. В 1851 году Карабек возвратился на жительство к низовьям Лабы, но этому примеру последовала лишь часть его подданных. Большинство темиргойцев оставалось в горах.

О событиях зимней кампании 1861-1862 годов вспоминал ее участник М.И.Венюков: «Аулы баракаевцев, абадзехов на Фюнфте (Финтфе, правом притоке реки Белой. - Т.П.) и Фарсе горели три дня, наполняя воздух гарью верст на тридцать, когда в феврале 1862 года начались движения наши для изгнания этих горцев...». И с удовлетворением добавляет: «Переселение 1862 года шло чрезвычайно успешно». Его дополнил генерал Зиссерман, согласно которому, 12-29 марта 1862 года было уничтожено 30 аулов по Фарсу и его правому притоку Псыфиру, и более 20 аулов по Фюнфту. Он также писал, что в течение 17 дней «войсками совершенно очищено от непокорного населения все пространство между Лабой и Белой».

«Роковым», по выражению Венюкова, для абазин правого берега реки Белой стал март 1862 года, когда Пшехский отряд отправился в горы, «чтобы жечь аулы». «Это была самая видная, самая «поэтическая» часть Кавказской войны. Мы старались подойти к аулу по возможности внезапно и тотчас зажечь его. Жителям предоставлялось спасаться, как они знали...». Он отметил, что во время этого набега только один, большой, аул сдался и без сопротивления перешел на равнину. При возникновении перестрелки солдаты, пользуясь своим превосходством в силе, быстро подавляли ее. За три дня похода отряд сжег около 70 небольших аулов общей численностью до 5.000 человек.

Обычно жители, прежде всего дети, женщины и старики, спешили покинуть аул и укрыться в ближайшем лесу до прихода войск. Указывая на это в своих мемуарах, Венюков писал: «Сколько раз приходилось в опустевших при нашем приближении хижинах заставать на столе теплую кашу с воткнутою в нее ложкою, починявшуюся одежду с невыдернутою иголкою, какие-нибудь детские игрушки в том виде, как они были разложены на полу, около ребенка. Иногда - к чести,

впрочем, наших солдат, очень редко, - совершались жестокости, доходившие до зверства... Жестокости эти были тем возмутительнее, что были совершенно не в духе доблестных русских солдат - обыкновенно столь добродушных... Таков был характер войны».

Зимнюю кампанию русских 1861-1862 годов «увенчало» занятие в апреле 1862 года долины реки Дахо, писал один из участников военных действий против даховцев, - «последнего клочка земли на Белой, еще не принадлежавшего России».

В том же 1862 году ушли в Турцию и остальные абазины из обществ баговцев, баракайцев и шахгирейцев. Из них только малая часть последних выселилась на низовья Лабы. Что касается баракайцев, проживавших на Гупсе, то они в 1862 году переселились в Даховское ущелье, откуда в 1863 году ушли в Турцию. На Кавказе, писал Л.И.Лавров, их осталось 460 человек, которые расселились по разным абазинским и адыгским аулам. Больше всего их осело в селении Ульском (156 человек). Баговцы до 1862 года обитали в верховьях реки Ходз, на левом берегу. В 1863 году ушли в Турцию. Их осталось, по Лаврову, всего 27 человек, поселившихся тогда же в селении Чаграй, Ходзском и Унароковском.

В 1862 году заселение междуречья Лабы и Белой кубанскими казаками было завершено. Всего на пространстве между морем и Адагумом, Лабой и Белой весной и летом 1862 года было основано 26 станиц, из них в натухайской земле — 12. Еще одна станица — Пшехская — учреждена западнее реки Белой.

Новые поселенцы, с небольшим интервалом, двигались вслед за войсками «для водворения на показанных местах, закреплявших за ними очищенную от неприятеля страну, в которой, однако, горцы рыскали мелкими партиями во всех направлениях для нанесения нам возможного вреда», - объяснял русскому читателю участник событий М.И. Венюков. И призывал их посочувствовать войскам и переселенцам, которые несли «огромнейшие труды, лишения и нужды на это покорение страны».

2 мая 1862 года натухайцев предупредили, что они должны «непременно» перейти на прикубанскую низменность и поселиться большими аулами. В противном случае войсковому начальству предписывалось «принудить их к этому силою оружия». Если же они «пожелают удалиться целыми обществами в Турцию, то не только им в этом не препятствовать, но способствовать всеми зависящими средствами всегда и во всякое время». Как констатировал в августе 1862 года главнокомандующий армией генерал Г.З.Орбелиани, большая часть земель натухайцев занята казаками и горцы «так стеснены, что им действительно трудно существовать на оставшейся в их владении земле».

В 1862 года большая часть Натухайского округа была занята казачьими поселениями, а в 1863-м началось насильственное сселение их и части бжедугов в большие аулы. Принудительные меры стали причиной ухода в том же году в Турцию до 300 семей бжедугов-керкенейцев (около 2.500 человек). Вслед за ними, сообщает источник, начальник Натухайского военно-народного округа генерал Бабич отправил под конвоем к берегу моря более 4.000 натухайцев, отказавшихся переселиться на Кубанскую низменность, а также часть шапсугов. Шапсуги, проживавшие на местах, занятых позже станицами Абинского казачьего полка (предгорья от Адагума до Иля) были вынуждены в конце 1862 года и в начале 1863-го перейти на равнину Кубани и поселиться в назначенной для них полосе большими аулами между Адагумом и Афипсом. К концу апреля 1863

года за счет новых выходцев с гор численность шапсугов на указанном пространстве, по сообщению Б.М.Джимова, возросло до 25 тысяч человек.

К концу 1862 года абадзехи оказались стиснутымии между Белой и Супсом. Не могли и дальше оставаться на своих местах соседи абадзехов махоши, егерукайцы, темиргойцы. Небольшое их число было поселено в низовьях Лабы, на ее левом берегу, остальные ушли за Белую. Оттуда в течение осени 1862 и весны 1863 года они, численностью до 2.000 семей (около 15.000 человек), отправились на переселение в Турцию. Этому способствовало, наряду с прочим, отсутствие у абадзехов свободной для поселения земли. Как уже указывалось, они сами находились в затруднительном положении.

В ходе очередной зимней кампании 1862-1863 годов русские войска продолжали очищать горную Черкесии от ее жителей между реками Адагумом на западе и Белой на востоке. На пространстве между Белой, Пшехой и Пшишем, в нижнем их течении, действовал Пшехский отряд (в верховьях этих рек - отряд генерала Геймана). Он был сформирован еще в феврале 1862 года из состава Абадзехских отрядов специально для действий против абадзехов. Начинал с прокладки просек от станицы Ханской на реке Пшехе. По словам С.Эсадзе, именно тогда началось вторжение русских войск в земли горных абадзехов.

В самом начале 1863 года Пшехский отряд занимался устройством станиц вдоль реки Пшехи. Открытых боевых столкновений, по словам Венюкова, было мало, но перестрелки случались часто, прежде всего во время обследования уже оставленных горцами аулов. Продолжались они и в тылу русских войск. Так, по сведениям А.Д.Панеша, при зачистке войсками ущелья реки Фарс 3 января 1863 года близ станицы Новосвободной произошел бой с горцами, который продолжался несколько часов. Во время одной из карательных экспедиций «12 -16 марта 1863 года, - пишет он же, - было уничтожено 33 аула, расположенных по течению Фарса и между этой рекой и Псефиром».

Зима 1862-1863 годов, как отмечалось, была ранней и очень холодной. Горцы практически были лишены возможности сопротивляться. Как писал в январе 1863 года генерал Евдокимов начальнику штаба армии, «военные
действия, производимые нашими войсками с разных сторон в неприятельском крае поставили значительную часть горского населения в положение безвыходное, которое еще более усилилось суровою зимою и сильными морозами. Теснимые нашими войсками, туземцы выходили к нам с единственным желанием найти у нас какой-нибудь приют в 20 градусов мороза и прокормиться у своих единоверцев до весны, чтобы потом устроиться на указанных местах».

К концу 1862 года во время военных действий русских отрядов за рекой Белой против абадзехов на равнину вышло несколько сотен горских семей. Часть абадзехов отправилась на Лабу, остальных селили в Нижне-кубанском приставстве, «особенно, - писал М.Венюков, - в Вольном ауле» (по информации Лаврова, адыги называли его Дзасус - «перебежчик»). Он был образован, чтобы «привлечь возможно более мирных горских переселенцев на Кубань». В этот аул отправляли не только «беглых» абадзехов, но и других адыгов/черкесов, выходивших вместе с ними из Абадзехии, в большинстве своем крепостных крестьян. Из Вольного аула они расселялись по другим аулам, находившимся на левобережье Кубани. Однако с сентября-октября 1863 года, после «принесения» абадзехами покорности, крепостных стали возвращать обратно их владельцам.

«Несколько сот семейств (с Курджипса и соседних рек. - Т.П.) отправлены к нам для поселения на Лабе, ниже места, отведенного закубанским кабардинцам», - писал в своем донесении военному министру командующий армией генерал Орбелиани в конце октября 1862 года. Это произошло при наступлении отряда Евдокимова на селения абадзехов и мамхегов. Последние, как писали со ссылкой на А.Н.Дьячкова-Тарасова М.Г.Аутлев и Л.И.Лавров, жили в то время между Белой и ее левым притоком Курджипсом (по соседству с абадзехским обществом Даур-хабль) в селениях Кураль (самое большое), Патукай, Хоретль, Куйжий, Хачемзий, Боджукай, Бадженай, Тлепсежи, Дугххабль, Дачехабль, Хакунай, Таганай и Уордане (до этого обитали в верховьях реки Уль, откуда, по сообщению К.Ф.Сталя, около 1849 года были уведены темиргойским князем Болотоковым Карабеком за реку Белую). В течение 1862-1863 годов большая часть мамхегов переселилась в Турцию. Оставшиеся перешли на жительство к низовьям реки Фарса и основали там аул Мамхег, рядом с абадзехским аулом Хакуринохабль (в основном из Патукая), а также расселились по аулам Хакуринохабль, Хачемзий, Хаджимукохабль, Джеракай (по реке Фарс), Егерукай, Адамий, Уарп и Вольный. В 1884 году общее число мамхегов в Кубанской области (Майкопский уезд), по данным Е.Д.Фелицына, составляло 1.258 человек, из них в ауле Мамхег — 715. Здесь жили абадзехи (369 человек), шапсуги, егерукайцы и ногайцы.

В разных экспедициях и набегах войск принимала участие и горская милиция, державшаяся, правда, несколько обособленно. Так, в составе ноябрьского похода 1862 года против абадзехов с Курджипса были милиционеры (добровольцы из горских народов) из Нижне-Кубанского и обоих Лабинских приставств . К слову сказать, отряд состоял под общей командой генерала Евдокимова.

В 1863 году казачья колонизация продвинулась на востоке Черкесии до Пшехи и Пшиша, на западе станицами Абинского полка были заняты предгорья от Адагума до Иля: на земле абадзехов от Белой до Пшиша было заселено 13 казачьих станиц, в Шапсугии — 8. «Такая колонизация, соединенная с настойчивыми действиями наших отрядов, - писал свидетель событий, - сгруппировала все почти население абадзехов между Пшишем и Псекупсом и поставила их в самое стесненное положение. Шапсуги тоже должны были уступить силе обстоятельств, небольшая часть их выселилась на Кубань, большая же оставалась некоторое время в горных трущобах края, но преимущественно опустилась на южный склон, откуда осенью того же года по частям стала отправляться в Турцию». В письме генерала Карцова к управляющему русской миссией в Стамбуле от 23 августа 1863 года сообщалось, что при движении русских отрядов от Анапы к востоку и от Лабы к западу было вытесненно 50.000 человек, «изъявивших безусловную покорность» и поселившихся «на Кубани и при устьях рек, в нее впадающих».

В начале 1863 года горское население Кубанской области составляло: Натухайский округ — 26.684 человека, Бжедуховский — 23.782, будущие (учреждены в декабре) Шапсугский и Абадзехский округа — 12.600 и 16.314 человек соответствено, Нижне-Кубанское приставство — 4.340, Верхне-Кубанское — 26.348 человек. Всего — 110.068 человек, из них 83.720 адыгов/черкесов. Остальные — ногайцы, карачаевцы, абазины.

Из опубликованных в начале 1864 года статистических данных по Северо-Западному Кавказу следует, что общая численность адыгского населения Кубанской области в середине 1863 года составляла 166.200 человек. В это число включены: натухайцы — 26.700, бжедуги — 20.000, кабардинцы — 6.500, абадзехи 8.000, шапсуги — 13.000, махоши, егерукайцы и темиргойцы —

12.000. Все они отнесены к «покорным». Отдельно указаны «непокорные» 40.000 абадзехов и 40.000 шапсугов. Таким образом, за первую половину 1863 года к русским для поселения на равнине вышло до 56.000 человек.

К лету 1863 года почти все абадзехское население было буквально зажато между Пшишем и Псекупсом. Как отметил полковник В.А.Франкини в своей записке военному министру Милютину, «новая система» Евдокимова «именно тем страшна, что она обхватывает и сжимает неприятеля как бы в тисках, из коих ему, по-видимому, вырваться нельзя». Небольшая часть абадзехов вышла к русским и была отправлена для поселение на левобережной равнине реки Лабы. Остальные, не имея возможности для продолжения сопротивления, вступили в переговоры с Евдокимовым о временном перемирии. Об их исходе сообщал М.И.Венюков: «Граф Евдокимов, приехавший в отряд Геймана, успел заключить с абадзехами перемирие, выгодное для обеих сторон» (в связи с полевыми работами, указывает он же). Поэтому, по Венюкову, летом 1863 года военные столкновения были редки. Автор говорит о «честном держании» горцами условий любых переговоров (чего, кстати, не скажешь о генерале).

Осенью 1863 года русским стало известно (из донесений лазутчиков), что возвратившиеся из Стамбула абадзехские старшины привезли письма от Мухаммед-Амина и Карабатыра Заноко, в которых те убеждали абадзехов, шапсугов и убыхов не покоряться русским и не переселяться в Турцию, а вести пока лишь оборонительные действия; внушали надежду на начало в самое ближайшее время новой войны Турции и ее европейских союзников с Россией, на помощь Турции как оружием, так и войсками. В ночь с 14 на 15 августа 1863 года к устью реки Джубги для встречи с шапсугами, на турецком пароходе с теми же призывами прибыл сам Карабатыр. Горцы, как сказал в 1863 году один из свидетелей событий, «упали совершенно духом и, колеблясь различными слухами, сами не знали, на что решиться».

В конце лета 1863 года, в связи с обострением международной обстановки вокруг черкесского вопроса и ожиданием весной следующего года новой европейской войны, Евдокимову было предложено, по возможности, ускорить военные действия в Кубанской области, чтобы закончить войну на Кавказе к весне 1864 года.

В сентябре 1863 года абадзехи, «стесненные с востока и запада линиями казачьих станиц по рекам Пшишу и Шебшу и отрезанные от гор войсками», были вынуждены прекратить сопротивление и «изъявить покорность» на условиях Евдокимова. (Покорность Евдокимов принимал и прекращал военные действия лишь с условием выселения с гор. По существу, слова «покорность» и «выселение» были у него синонимами.) Добившись покорности силой оружия, Россия стремилась как можно скорее «удалить» своих потенциальных подданных в пределы другого государства. Подобные жестокие и циничные по своей сути действия русских властей по отношению к горцам можно с полным основанием назвать беспрецедентными, этническим и религиозным геноцидом.

Кавказские власти прекрасно понимали, что черкесы-горцы, говоря словами Франкини, «не могли покориться на условиях, которые их ожидали (на Кубани. - Т.П.), следовательно реальный выбор состоял между выселением и смертью за независимость». В этом открыто признавались главнокомандующий армией и начальник ее штаба. Так, генерал Карцов, к примеру, в секретном документе писал, что горцы «готовы покориться, но так как непременным условием покорности мы ставим переселение на Кубанскую равнину, то они и предпочитают удаление в Турцию».

Вообще-то, как свидетельствуют факты, это был вариант развития событий, который предпочитала именно Россия. Горцы же стали жертвой этих предпочтений.

В ситуации, в которой оказались абадзехи к осени 1863 года, их «единственной просьбой», как подчеркивалось в донесении Евдокимова, было разрешить им остаться в горах до весны 1864 года, чтобы затем уйти Турцию.
Им дали срок до 1 февраля, который затем продлили на неделю для сбора имущества. По окончании срока они должны были выселиться «на нижнюю Кубань или в Турцию».

Для управления верхними абадзехами, оставленными до весны между Пшишем и Псекупсом, по распоряжению командующего Кавказской армией от 8 ноября 1863 года было образовано временное Абадзехское приставство.

Что касается шапсугов, то они также в конце лета 1863 года были вынуждены «покориться безусловно», то есть выселиться с обжитых мест. В секретном отношении начальника главного штаба Кавказской армии генерала Карцова русскому посланнику в Турции сообщалось, что шапсуги-горцы численностью 30.000 человек осенью 1863 года были поселены на левом берегу Кубани и подчинены русскому военному управлению. Остальные, писал он далее, «частию выселились в Турцию, частию сгруппировались на морском берегу около реки Псезуапе».

Абадзехи и шапсуги, как писал Венюков, «просили только не препятствовать их переселению в Турцию». И, конечно, «Евдокимов обещал им со своей стороны полное содействие. С этой целью посланы были по всему прибрежью Черного моря разные агенты нанимать все свободные суда для перевозки горцев. Отправление их пошло быстро», - докладывал он же. Видимо, чтобы не передумали.

В октябре 1863 года в своем донесении наместнику кавказскому генерал Евдокимов докладывал, что «на северном склоне Кавказского хребта нет более вооруженного неприятеля». Тогда же, в секретном письме от 29 октября 1863 года генерала Карцова российскому консулу в Трапезунде, сообщалось: «В настоящее время горцы так стеснены в береговой полосе, что выражают сильное стремление выселиться в Турцию, что совершенно согласно с нашими видами и может весьма ускорить покорение всего Кавказа...».

В целях «облегчения» участи изгоняемых черкесов кавказское военное начальство приняло решение допустить «в виде временной меры... чтобы крейсеры задерживали только те суда, на коих окажется военная контрабанда — оружие, порох, свинец и снаряды». Всем остальным турецким судам было разрешено «не препятствовать приставать к любому пункту берега, населенного горцами», а также не останавливать их, «если на обратном пути они будут везти горцев, переселяющихся в Турцию». Одновременно, в октябре 1863 года, был заключен контракт с керченским судовладельцем на перевозку абадзехов в Турцию в феврале-марте 1864 года, а также «заблаговременно были поставлены в известность о предстоящем переселении горцев хозяева турецких кочерм».

Но кроме этого, для поощрения к выселению, генерал Евдокимов предложил установить небольшую «премию» для 10.000 семей тех горцев, которые населяли прибрежную полосу и которые будут отправляться в Турцию с портов, занятых русскими.

По ходатайству Евдокимова, 10 ноябре 1863 года главнокомандующий Кавказской армией обратился к военному министру с просьбой решить вопрос о выделении на эти цели 100 тысяч рублей. Одновременно он писал: «Успехи наших войск заставили горцев Западного Кавказа, живших на северном склоне Кавказского хребта, изъявить полную покорность с обязательством весною переселиться на прикубанскую равнину или уйти в Турцию, частию же перейти на юго-западной склон гор, где в настоящее время население почти удвоилось этими пришельцами. Для исполнения общего плана покорения Кавказа мы должны теперь приступить к очищению прибрежной полосы. Войска наши уже заняли перевалы против Туапсе и Джуба». Наместник не сомневался, что население, стиснутое войсками между морем и горами, было готово покориться, если бы ему разрешили остаться на прежних местах. Но это не входило в планы России. По его словам, «дозволение горцам остаться в прибрежной полосе прямо противоречило бы принятому плану покорения Западного Кавказа». В связи с этим горское население южного склона гор, считал он, необходимо было удалить безусловно.

Далее наместник писал, что «природа прибрежной полосы и привычки населения ее занимающего до такой степени не сходны с тем, что мы можем предложить горцам, то есть с жизнью в прикубанской степи, что большинство этого населения придется истребить оружием, прежде чем оно согласиться исполнить наши требования». Поэтому и сам командующий армией, и ее генералитет (прежде всего Евдокимов), как и вся верхушка России во главе с царем, считали «всего выгоднее» дать горцам «возможность» переселиться в Турцию. Причем, каждый раз, заявляя об этом, нагло и цинично выдавали свое преступное деяние за акт человеколюбия (с оглядкой на Европу, разумеется). Вот, к примеру, начальник штаба армии генерал Карцов прямо писал, что «в видах человеколюбия и видах облегчения задачи, предстоящей нашей армии, необходимо открыть им другой выход: переселение в Турцию». Он, правда, высказывал опасение, что могут возникнуть «затруднения» со стороны турецкого правительства «против такой высылки народа целыми массами».

Получив очередный рапорт генерала Евдокимова о победах над черкесами, главнокомандующий армией и наместник Кавказа великий князь Михаил Романов 2 декабря 1863 года с чувством глубокого удовлетворения с воодушевлением писал графу: «Донесения ваши об изъявлении абадзехами покорности, о занятии Пшады и Джубы, о поражении в верховьях Туапсе убыхских скопищ, до глубины души меня порадовали. Все это — плоды ваших соображений, вашей деятельности и твердости, плоды неутомимых, могу сказать, безпримерных трудов храбрых войск, действующих под начальством вашим. Северный склон Кавказа покорен ими. Близко время, когда и юго-западный скат будет очищен от дикого, враждебного нам народа, и недоступный доселе восточный берег Черного моря, приняв русское население, станет на самом деле берегом русским. Надеюсь, что минута эта скоро наступит, и мы повергнем к стопам государя императора весь Западный Кавказ, умиротворенный и покорный».

В то же время русское правительство, как писал в 1863 году М.И.Венюков, старалось «в известиях о Кавказе, печатаемых в газетах, по возможности, обходить вопрос о судьбе горцев, выселяемых на равнины или уходящих в Турцию, ограничиваясь только изображением тех успехов, которые делает наша колонизация». И тут же добавил: «Что касается воззрения наших действующих лиц, то могу сказать, что Милютин общим ходом дел доволен, но однажды выразился так: «Нужно, нужно кончать поскорее, а то Кавказ очень дорого стоит». Генерал Фадеев считал, что Кавказ действительно потребовал больших жертв, «но чего бы он не стоил, ни один русский не имеет права на это жаловаться».

В декабре 1863 года для управления оставшимися горцами были учреждены два новых округа: Абадзехский, в состав которого вошло все горское население, поселенное в междуречье Лабы и Белой, в его нижней части, и Шапсугский (между реками Афипсом и Адагумом).

В конце 1863 года вопрос о кавказских переселенцах очередной раз обсуждался турецким правительством. Турция не отказывалась в принципе их принять, но настаивала на своем праве определять беженцам места для расселения, а также просила отсрочить переселение до 20 мая 1864 года из-за финансовых затруднений. Вместе с тем, как отмечал русский консул в Стамбуле, «весь план выселения горцев в Турцию приводит здешнее правительство в большое смущение».

«Смущение это охватило не только Турцию, - писал всезнающий А.П.Берже, - но и европейскую дипломатию, особенно французскую, созидавшую планы противодействия России при возбуждении горцев». В этой ситуации, вещал этот рупор монархии, «сожалеть должно только о самих горцах, которые обманывали себя так долго ложными надеждами на чужую помощь и не подчинились исторической необходимости поступиться своеволием для мирного восприятия гражданственности». «Всегда и везде, - морализировал он далее, - мелкие полудикие народности поглощались более сильными народами и если утрачивали при этом национальные особенности и обычаи, то за то получали и право на умственное и нравственное развитие и приобретали более высокую степень материального благосостояния. Так было бы и с горскими племенами Кавказа, без участия в их судьбе Турции и европейской дипломатии».

В начале февраля 1864 года по распоряжению Евдокимова войска Пшехского отряда, сосредоточенные на реке Пшиш для выселения абадзехов, облавой двинулись по направлению к Псекупсу, принуждая аулы к выселению. Жителям давался кратковременный срок для сбора имущества. Не обходилось и без применения силы. От Кубани вдоль Псекупса двигался отряд бжедугской милиции под командованием начальника Бжедухского округа полковника Могукорова. Для абадзехов был открыт единственный свободный выход из окружения — путь на южный склон хребта, куда они и устремились. Генерал Фадеев говорил о нескольких тысячах человек, ушедших через перевал к шапсугам, чтобы отправиться в Турцию вместе с ними. Только ближайшие к бжедугам абадзехи численностью более 27.000 человек отправились в сторону Кубани, а оттуда на Тамань, намереваясь уйти в Турцию. И все же, по словам Фадеева, половина абадзехов из этой «ловушки»- приставства перешла на поселение к низовьям правого берега реки Белой. К середине февраля горцы из района действий Пшехского отряда практически полностью покинули свое вынужденное место пребывания. Небольшая часть абадзехов укрылась в труднодоступных горных убежищах. К ним приказано было относиться как к военнопленным (их грозились, обычно, выселить в глубь России).

То же самое, но с шапсугами, проделал перед этим Джубгский отряд, действовавший в верховьях рек Иля и Псекупса в феврале 1864 года. Он полностью «очистил край» от шапсугов, вытеснив их на южный склон хребта. Дальнейшее их выселение к берегу моря продолжили специальные «партизанские» отряды. Действовавший в береговой полосе от Пшада до Джубги и далее вдоль моря Адагумский отряд собирал выходивших из ущелий горцев и доставлял к месту отправки в Турцию — посту Вельяминовскому на реке Туапсе. У шапсугов не оставалось уже никакой возможности вернуться обратно.

В феврале-марте 1864 года, уже оказавшись на берегу моря, горцы все еще сохраняли надежду на

близкую помощь союзных войск. Так, по словам очевидца, прибывшие в Туапсе для отплытия в Турцию шапсуги и абадзехи «в настоящее время в ожидании результата распространенных слухов остаются на берегу, не продолжая своего путешествия». Те из них, кто пока не покинул мест своего прежнего жительства, «приостановились с переселением в Турцию». Убыхи же, по сообщению того же источника, «в ожидании возвращения Магомет-Эмина устраивают мехкеме, собирают старшин для приведения всего в порядок к его приходу».

Русский офицер И.Дроздов, шедший в составе Пшехского отряда, вытеснявшего в феврале 1864 года абадзехов с родных мест к берегу моря, писал: «Поразительное зрелище представилось нашим глазам по пути: разбросанные трупы детей, женщин, стариков, растерзанные, полуобъеденные собаками; изможденные голодом и болезнями переселенцы, едва поднимавшие ноги от слабости, падавшие от изнеможения и еще заживо делавшиеся добычею голодных собак... Живым и здоровым некогда было думать об умирающих; им и самим перспектива была неутешительнее; турецкие шкиперы, из жадности, наваливали, как груз, черкесов, нанимавших их кочермы до берегов Малой Азии, и, как груз, выбрасывали лишних за борт при малейшем признаке болезни. Волны выбрасывали трупы этих несчастных на берега Анатолии... Едва ли половина отправившихся в Турцию прибыла к месту. Такое бедствие и в таких размерах редко постигало человечество; но только ужасом и можно было подействовать на воинственных дикарей и выгнать их из неприступных горных трущоб».

Однако, как с сожалением отметил генерал Фадеев, «всегда оставалось большое число людей упорно укрывавшихся в трущобах. Для изгнания абадзехов с верховьев Псекупса отделены были части войск от Даховского и Джубгского отрядов, продолжавшие свои поиски до 1 марта». Это было, жаловался генерал, нелегкое «дело». К тому же, как только «последние остатки абадзехов были изгнаны, - писал он же, - новые толпы горцев стали возвращаться с берега, куда они ушли перед тем для отплытия в Турцию... Они расселились в самых глухих местах, где всего труднее было их открыть. Снова нужно было разослать по всем горам летучие колонны, чтобы сгонять беглецов или к берегу, или в назначенные для поселения места».

Участник этих событий русский офицер Шарак в своих дневниках свидетельствовал: «Кавказское войско, очищая заселяемый край от враждебных горцев, снаряжало отдельные команды, чтобы разыскивать скрывавшихся в малодоступных дебрях и трущобах туземцев, не желавших расставаться с своей землей. Привязанность их к родине до того была сильна в этом народе, что они нередко, забравшись в какое-нибудь заросшее темное ущелье, там и умирали от холода и голода с винтовкой в руке, чтобы пустить в русского последнюю пулю за свое изгнание». «Поиски» продолжались до середины лета 1864 года.

«Таким образом, - докладывал в феврале 1864 года генерал Карцов, - на северной покатости западной части Кавказских гор не осталось ни одного горца; южная покатость, вплоть до морского берега, от Новороссийской бухты до Туапсе, совершенно очищена от всякого населения... Теперь срок окончания Кавказской войны зависит от того, во сколько времени горцы успеют совершить переселение свое в Турцию, то есть от перевозочных средств, которые им будут предоставлены».

Начавшийся ранней весной 1864 года второй массовый исход черкесов в Турцию по существу явился продолжением прошлогоднего осеннего переселения. В течение осени-зимы 1863 — весны-лета 1864 года с Кавказа, по официальным сведениям, выселилось 318.000 человек. Первыми отправились горцы, вытесненные из занимаемых ими мест в результате военных

действий в конце 1863-го и в начале 1864 года (кубанские шапсуги-горцы и большинство абадзехов из временного Абадзехского приставства). Небольшая же часть последних, говорилось в одном из официальных документов, в феврале 1864 года, «не оставляя намерения переселиться в Турцию, для выгоднейшего сбыта своего имущества, временно перешли в Абадзехский округ, откуда, начиная с конца сентября, туземцы, успевшие продать имущество и окончательно приготовиться к переселению, начали направляться отдельными партиями к Новороссийскому порту».

Что касается «покорных» натухайцев и шапсугов, уже некоторое время живших на прикубанской низменности, колониальные власти, как сообщалось, имели «верные сведения» об их скором выселении и ожидали его. Но как только весной 1864 года шапсуги и натухайцы, оставив свои места, двинулись к морю (в марте-июне только из Анапы и Новороссийска ушло более 67.000 человек), вслед за ними засобирались и остальные, до этого предполагавшие оставаться на родине, «так что, наконец, они почти все поднялись на уход в Турцию». Но «их не удерживали, потому что не к чему было удерживать». Ведь как говорил генерал Фадеев, «земля закубанцев была нужна государству, в них самих не было никакой надобности... Очевидно, не из чего было лить русскую кровь для того, чтобы насильно удерживать в пределах государства варваров, не хотевших быть его подданными».

Черкесское население не то что не удерживали, его намеренно провоцировали и подстрекали к выселению с родины. Тот же Фадеев явно со знанием дела писал: «Можно положительно сказать, что вся масса шапсугов и абадзехов, выдвинутая весной (1864 года.-Т.П.) с гор, сначала не думала идти в Турцию, и для того, чтобы направить ее туда, приставам было достаточно, вследствие полученных приказаний, показать горцам суровое лицо».

В одной из своих работ о Кавказе он приводит слова Евдокимова о том, что тот «желает выселения бжедухов, слишком близких к морю». Позже, возвращаясь к той же теме, автор заметил, что «несмотря на желание графа Евдокимова, бжедугский народ не идет в Турцию массою». Другой человек, неплохо знавший «покорителя-истребителя» черкесов, свидетельствовал, что «его твердым убеждением было, что самое лучшее последствие многолетней, дорого стоящей для России войны, есть изгнание всех горцев за море. Поэтому на остававшихся за Кубанью, хотя бы и в качестве мирных подданных, он смотрел лишь как на неизбежное зло и делал что мог, чтобы уменьшить их число и стеснить для них удобства жизни».

К маю 1864 года Абадзехское приставство было упразднено, а остатки населения Шапсугского и Натухайского округов, по сведениям
Б.М.Джимова, в числе 300 семей были присоединены к Бжедуховскому округу.

На осень 1864 года пришлась вторая волна выселения черкесов Кубанской области в Турцию, которая, начавшись в сентябре-октябре, продолжалась до конца декабря. На этот раз уходило население Бжедуховского округа (бжедуги, шапсуги) и, особенно, Абадзехского. В докладе Горского отделения штаба войск Кубанской области за 1865 год говорилось, что абадзехи, поселившиеся в округе в феврале 1864 года так и не завели собственного хозяйства и все лето готовились к переселению в Турцию. В сентябре-первых числах ноября несколько партий переселенцев из названных округов (от 20 до 25 тысяч человек) прибыли в окрестности Цемезской бухты, к укреплению Константиновскому (недалеко от Новороссийска). Во всех местах скопления горцев был установлен полицейский надзор и усилен гарнизон укрепления, чтобы

отчаявшиеся переселенцы «не могли бродить по горам и разбойничать», - писал в своем рапорте от 28 ноября 1864 года временно командующий войсками Кубанской области генерал-майор М.Я.Ольшевский командующему Кавказской армии.

От Новороссийского порта и названного укрепления горцев отправляли турецкими пароходами и парусными судами. Однако вскоре, в связи с начавшимися штормами и, как следствие, крушением парусного турецкого судна с пассажирами на борту, навигация была приостановлена. Начальник Бжедуховского округа генерал Бабич доносил, что к 21 ноября в Цемезской бухте оставалось еще 10.600 человек. Отправление переселенцев стало возможным лишь к середине декабря, по восстановлении погоды. Последний пароход с горцами ушел 23 декабря. Более 4.000 абадзехов, распределенных на зиму по ближайшим станицам Абинского казачьего полка, было выселено в марте 1865 года. Всего в ноябре-декабре 1864 года и в марте 1865 года из Новороссийска было выселено около 25.000 человек: 15.811 абадзехов, 5.466 бжедугов и 3.543 шапсуга. В течение всего 1864 года из Тамани, Анапы, Новороссийска и Туапсе было отправлено в Турцию почти 120.000 человек.

По сообщению генерала Ольшевского от 9 января 1865 года, только на северо-восточной стороне Цемезской бухты, где располагались лагерями горцы, почти на 5-километровом пространстве были разбросаны могилы, в которых погребено 1.480 умерших.

Об этой, второй, волне переселения, пришедшейся на осенне-зимний период 1864 года, писал в своих воспоминаниях «Кавказ во вторую половину 1864 года» и Д.А.Милютин: «Большая часть того населения шапсугов, абадзехов и других племен, которое изъявило покорность и водворилось уже на равнине закубанской, вдруг решилась в сентябре месяце переселяться в Турцию по примеру ушедших единоплеменников... Решившись покинуть Кавказ, население разом поднялось с тех мест, где сначало было водворено, и двинулось массою к морскому берегу, в окрестности Новороссийска и укрепления Константиновского... Таким образом, в осеннюю пору, когда переезд морем сделался уже весьма неудобным, пришлось вновь отправлять до 25.000 душ собравшегося на берегу народа... 16 ноября случилась катастрофа: страшный ураган под названием «бора» выкинул на берег несколько судов, готовившихся отплыть; при этом погибло до 250 человек (по другим сведениям — 300; 170 человек было спасено. - Т.П.). Несчастный этот случай произвел такое впечатление на бедных горцев, что после этого они уже избегали садиться на парусные суда и перевозка значительно замедлилась. На берегу оставалось еще более 10.000 человек». Часть горцев зимовала на берегу моря вблизи русского укрепления, в устроенных ими самими землянках и балаганах, другие, в том числе спасшиеся при крушении судна, были размещены в опустевших аулах, в казачьих станицах Адагумского полка и Таманского округа.

В феврале 1864 года началось массовое выселение прибрежных горцев — шапсугов, убыхов и абазин. Оно продолжалось все лето. Всего в 1864 году с участка берега моря от Тамани до Адлера ушло, по официальным данным, более 300.000 человек (312.788).

«Такой исход войны на Западном Кавказе, - писал один из ее участников, - предвиделся, впрочем, с самого ее начала». Аналогичное мнение высказал английский посол в Санкт-Петербурге лорд Нэпир: «По всему видно, что русское правительство давно уже решилось во что бы то ни стало удалить с Кавказа некоторые племена. С этой целью оно вот уже два года держится следующей системы: оно постепенно подвигает к горам линию своих крепостей и казацких поселений, тесня к берегу массу свободного кавказского населения. Это вытеснение беспокойных племен есть

обычная политика России».

Жуткое по своей откровенности, обобщающее по характеру описание трагедии, постигшей изгнанников, содержится в работе известного публициста-народника Я.В.Абрамова. Он писал: «Горцы, без всякого имущества, скапливались в Анапе и Новороссийске, частью во многих бухтах северо-восточного побережья Черного моря, тогда еще незанятых русскими... Так как всего транспортного флота было крайне недостаточно для перевозки почти полумиллиона человек, то массе горцев приходилось ждать своей очереди по полугоду, году и более. Все это время они оставались на берегу моря, под открытым небом без всяких средств к жизни; страдания, которые приходилось выносить в это время горцам, нет возможности описать. Они буквально тысячами умирали с голоду. Зимою к этому присоединялся холод. Весь северо- восточный берег Черного моря был усыпан трупами и умирающими, между которыми лежала остальная масса живых, но крайне ослабленных и тщетно ждавших, когда их отправят в Турцию. Очевидцы передают ужасные сцены, виденные ими в то время. Один рассказывает о трупе матери, грудь которой сосет ребенок; другой - о матери же, носившей на руках двух замерзших детей и никак не хотевшей расстаться с ними; третий - о целой груде человеческих тел, прижавшихся друг к другу в надежде сохранить внутреннюю теплоту и в таком положении застывших».

Воспоминания о событиях зимы 1863-1864 годов оставил их участник и очевидец француз А.Фонвилль. Он прибыл к берегам Черкесии в составе группы из пяти европейцев (французов и поляков) под начальством полковника Пржевольского для доставки горцам пушек и оружия. Их сопровождал отряд черкесов, которыми командовал Измаил Баракай Дзиаш. А.Фонвилль явился свидетелем страшной картины ухода горцев, сгоняемых войсками с родных мест. В своем труде, который был переведен на русский язык еще в 1865 году, он описывал военные действия и быт горцев, их трагический исход в Турцию. Автор в частности писал: «Со всех мест, последовательно занимаемых русскими, бежали жители аулов, и их голодные партии проходили страну в разных направлениях, рассеивая на пути своем больных и умиравших; иногда целые толпы переселенцев замерзали или заносились снежными буранами и мы часто замечали, проезжая, их кровавые следы. Волки и медведи разгребали снег и выкапывали из под него человеческие трупы... Мы встретили несколько партий абадзехов, бежавших от русских. Несчастные эти находились в самом жалком положении: едва покрытые рубищем, гоня перед собою небольшие стада овец, единственный источник их пропитания; мужчины, женщины, дети следовали молча одни за другими, ведя в поводу весь домашний скарб и все, что они успели захватить с собой... Мы имели случай вблизи видеть поражающую нищету этого несчастного народа; ежедневно мы встречали новые партии горцев, выселявшихся в земли, еще не занятые русскими. Последние дожди и наводнения погубили большое число этих переселенцев, и мы беспрестанно встречали на пути нашем трупы. Голод был страшный; много несчастных погибло от него», болезни «уничтожали целые населения аулов».

Известно, что генерал Евдокимов считал лучшим завершением войны на Западном Кавказе полное переселение горцев в Турцию, по крайней мере, максимально возможное уменьшение их численности, «чтобы интриги извне не имели здесь почвы», - писал он. Особенно важным Евдокимов признавал безусловное и поголовное (по терминологии русских генералов) выселение горцев южных склонов Главного Кавказского хребта и колонизацию побережья русскими: так велико было для России его военно-стратегическое и геополитическое значение.

«Эта мера,- писал, выражая общее мнение, генерал Фадеев, - была совершенно необходима для

безопасности наших владений... Горцы на берегу — это была бы новая Кавказская война в перспективе, при первом пушечном выстреле на Черном море». В связи с этим, по его словам, «довольствоваться покорностью этих племен, не трогая их с места, мы никак не могли. Три года мы ломили абадзехов для того только, чтобы добраться наконец-то до берега и очистить его от неприятеля».

Военные действия на южных склонах гор были возложены на отряд под командованием генерала В.А.Геймана, сформированный в 1863 году в станице Даховской. В его состав входили 13 с половиной батальонов пехоты, 6 орудий, 2 эскадрона драгун, 5 сотен казаков и кабардинская милиция.

В конце февраля 1864 года по плану, разработанному Евдокимовым, отряды Даховский (в котором до Туапсе шел он сам) и Джубгский, сосредоточенные соответственно на Гойтхском перевале и в укреплении Георгиевском на реке Шебш, были выдвинуты на южный склон Главного Кавказского хребта. Суровая и снежная зима 1863-1864 годов во много раз усугубляла положение изгнанников. Как писал начальник штаба армии Карцов, в это время «уничтожение запасов и селений действует гибельно, горцы остаются совершенно без крова, с меньшими средствами для защиты и крайне стеснены в пище».

Подобная практика приводила к большим жертвам среди населения. Это был вынужден признать даже генерал Фадеев: «Не более десятой части погибших (зимой 1863-1864 годов. - Т.П.) пали от оружия, остальные свалились от лишений и суровых зим, проведенных под метелями в лесу и на голых скалах. Особенно пострадала слабая часть населения — женщины и дети. Когда горцы столпились на берегу моря для отправления в Турцию, по первому взгляду была заметна неестественно малая пропорция женщин и детей против мужчин». Генерал приводит слова графа Евдокимова в ответ на донесения Сумарокова-Эльстона (начальника Кубанской области и атамана Кубанского казачьего войска) к нему: «Я писал графу Сумарокову, для чего он упоминает в каждом донесении о замерзших телах, покрывающих дороги? Разве великий князь и я этого не знаем? Но разве от кого-нибудь отвратить это бедствие?» И за подобные многочисленные факты ведь никто так не ответил.

28 февраля, спустившись по Гойтхскому перевалу, отряд вышел к развалинам Вельяминовского укрепления. На другой день в лагерь отряда на встречу с Евдокимовым прибыли шапсугские старшины «и весь берег от Шапсуго до реки Псезуапсе покорился». Шапсугам было приказано в шестидневный (до 6 марта) собраться и «немедленно отправиться или к нижней Кубани для поселения или к приморским пунктам для отплытия в Турцию. «Оставались непокоренными одни убыхи и джигеты, и те не надолго», - писал генерал Фадеев.

5 марта отряд Геймана занял бывший форт Лазарев. Отсюда генерал отправил письмо к убыхам, в котором писал: «Вы очень хорошо знаете, что народы абадзехский и шапсугский безусловно покорились нашему оружию и свободно переселяются в Турцию. Те же, кто пожелал, выходят к нам и получают землю на Лабе и Кубани. Теперь, убыхи, вы остаетесь последние. Если хотите знать наши требования относительно вас, то вот они: немедленно выдать всех русских пленных, сейчас же, без обозначения срока, те, кто пожелают идти в Турцию, должны собраться табором на берегу моря в трех пунктах: у устья Шахе, у Вардане и у устья Сочи. Туда переносить все имущество и, у кого есть, хлеб. За безопасность вашу тогда я отвечаю. К этим пунктам могут приставать турецкие кочермы и пароходы, на которых вы можете ехать в Турцию. Лишние ваши

вещи можете продать войскам — это будет дозволено. Те же, кто хочет идти к нам, должен сейчас же выселяться на Кубань, где им будет отведена земля. На свободный проезд я дам вам билеты. Если вы этого не захотите исполнить и с вашей стороны будет сопротивление, тогда да рассудит нас бог. Я знаю, что между вами есть люди умные и вы не допустите себя до разорения, как абадзехи, потому что силою оружия я освобожу ваших холопов, закрою путь в Турцию, и вы будете поселены на берегу Азовского моря».

На следующий день в лагерь русского отряда прибыли представители убыхов, живших у низовий реки Шахе. Они просили дать им трехмесячный срок, по истечение которого они все уйдут в Турцию. На это Гейман ответил: «Требования мои я сказал вам в письме, а не хотите исполнить — я с войсками приду помогать вам... Уступок с моей стороны нет и не будет вперед».

По свидетельству С.Духовского, в первые три дня продвижения отряда по шапсугской земле «выжжено было дочиста пространство между второстепенным хребтом и морем (по Туапсе, Шепси, Макопсе. - Т.П.). Оставлены только для переселенцев аулы, ближайшие к берегу и к местам сбора». Были уничтожены все селения по нижним и средним притокам реки Аше. «Жителей, где их заставали, - писал Духовский, - выводили, предварительно, с их имуществом. Многие шапсуги, видя движение отряда, бежали с семьями в горы».

18 марта 5.000 горцев — убыхи, хакучи и ахчипсувцы с верховий Мзымты собрались близ устья реки Годлик, возле развалин старой крепости и большого аула, который находился у моря, на правом берегу реки (ныне селение Нижняя Волконка). Они попытались дать бой отряду Геймана, но под плотным артиллерийским огнем вскоре вынуждены были отступить.

19 марта, «в сопровождении сотни казаков и до 300 конных шапсугов и убыхов», войска заняли форт Головинский на реке Шахе. Здесь, как и на реке Псезуапсе, был устроен сторожевой пост, после чего отряд двинулся в землю убыхов. В местности Вардан, самой населенной в Убыхии, все селения были уничтожены огнем, а 25 марта войска заняли бывшее Навагинское укрепление.

«Занятием Сочи, - писал Эсадзе, - завершилось утверждение владычества всей нагорной полосы». В связи с этим событием 8 апреля 1864 года «гуманнейший из венценосцев Х1Х века» император Александр II телеграфировал своему наместнику на Кавказе: «Искренно радуюсь счастливому обороту дел с убыхами. Остается благодарить бога за достигнутый результат».

В начале апреля 1864 года, приняв решение о прекращении войны, представители убыхов во главе с Керандуком Берзеком прибыли в сочинский лагерь русских войск для встречи с наместником царя на Кавказе великим князем М.Н. Романовым. Они объявили о своем намерении переселиться в Турцию и просили дать им необходимый срок на сборы. В своем ответе убыхским старейшинам главнокомандующий Кавказской армией подтвердил, что «земли их назначаются для поселения русских, что согласен на их просьбу и дает им месяц сроку для того, чтобы они могли приготовиться к переселению и выйти со своими семействами, что беднейшим из них прикажет оказать пособие для морского переезда и что по истечении срока, если кто не исполнит этого требования, то с ними будет поступлено как с военнопленными, для чего будут присланы еще новые войска».

Уже к середине апреля войска не встречали в горах убыхов: они находились на берегу и

выселялись в Турцию. Только горные абазины, обитавшие между реками Мзымтой и Бзыбью, оставались еще на своих местах.

Часть 3

Неожиданное и стремительное наступление отряда генерала Геймана и занятие им Туапсе (конец февраля), вызвало сильную панику среди населения, которое, спасаясь бегством, устремилось к морскому берегу, чтобы быстрее уйти в Турцию. За короткое время все побережье Черного моря оказалось заполненным огромной массой изгнанников.

Писали, что весной 1864 году весь северо-восточный берег Черного моря от Пшада до Сочи был «усеян разного рода судами, которые беспрерывно занимались перевозкою, которая шла безостановочно». Для скорейшего выселения горцев в Турцию и, как писал наместник царю, «для облегчения сего последнего я предлагаю разрешить употребить казенные транспортные суда и компанейские пароходы». Использовались зафрахтованные правительством частные парусные и паровые суда, государственные паровые суда, военные транспортные суда как русские, так и присланные турецким правительством. Привлекались также суда Англии, Греции, других государств. В роли перевозочных средств выступали чаще всего кочермы или барки, как их еще называли. О последних говорили, что «это были небольшие и невзрачные суда... слишком ненадежные».

Уходивший в Турцию в конце февраля 1864 года вместе с убыхами А.Фонвилль свидетельствовал, что турецкие парусно-гребные суда обычно «нагружались, что называется, до верху; триста или четыреста человек наполняли пространство, на котором в обыкновенное время помещалось от 50 до 60 человек. Вся провизия, которую горцы брали с собой, состояла из нескольких горстей пшена и нескольких бочонков воды; плавание открытым морем иногда продолжалось от пяти до шести дней...».

На пути в Турцию бедствия и страдания горцев становились все более тяжелыми. Теснота и давка на судах, недостаток еды и воды, морская и эпидемические болезни вызывали колоссальную смертность среди них; не были редки и случаи кораблекрушения. «Местное же предание, сохранившееся среди русского населения, - писал Я.Абрамов, - передает ужасные вещи. Так, по преданию, многие барки, нагруженные горцами, имели пробуравленное дно и, будучи выведены в море, тонули вместе с переселенцами, а деньги, назначенные на расходы, оставались в карманах заведывающих делом лиц».

В апреле 1864 года по распоряжению командующего Кавказской армией в Тамань, Анапу, Новороссийск, Джубгу и Туапсе были назначены агенты для наблюдения за выселением горцев и выдачей им пособий. Помощь, оказанная переселенцам казной, была до абсурда мала. Всего было израсходовано 289.678 рублей. Большая часть этой суммы была направлена на оплату арендованных судов (на фрахт). Та незначительная помощь, предназначенная для выплаты пособий беженцам, не всегда до них доходила: она попросту разворовывалась чиновниками.

Переживший в детстве тяготы депортации с Кавказа офицер турецкой армии черкес Нури впоследствии вспоминал: «Нас швыряли, как собак, в парусные лодки; задыхаясь, голодные, оборванные, мы ждали смерти, как лучшей доли нашей судьбы. Ничего не принималось в расчет:

ни глубокая старость, ни болезнь, ни беременность! Все деньги, которое ассигновало ваше (русское. - Т.П.) правительство на поддержку переселенцев, все они уходили куда-то, но куда? Мы их не видели! С нами обращались как со скотом, нас валили на общий каик сотнями, не разбирая, кто здрав, кто болен, и выбрасывали на ближайший турецкий берег. Многие из нас умерли, остальные приткнулись где попало».

Для завершения завоевания Западного Кавказа было решено все действовавшие на южных склонах гор войска разбить на четыре отряда (колонны). В первой половине апреля 1864 года один из них двинулся из Гагры в долину реки Псоу, второй — от бывшего укрепления Св. Духа вверх по Мзымте, третий — от верховий Шахе параллельно Главному Кавказскому хребту через земли горных убыхов и четвертый — из верховьев Малой Лабы в местность Кбаада (ныне Красная Поляна), где все отряды должны были соединиться. Это называлось звездным походом русских войск.

При движении по левому берегу реки Мзымты второй отряд встретил упорное сопротивление горцев-абазин из Аибги (правый берег реки Псоу). На помощь им пришли горцы из Ахчипсу (местность по обеим сторонам реки Мзымты, вблизи впадения в нее реки Ахчипсу(ы) и по ущелью последней), а также «абреки из других племен». Столкновения между войсками и горцами продолжались четыре дня. Вскоре аибговцы начали покидать свои аулы и спускаться к морю для ухода в Турцию. За ними последовали и ахчипсувцы.

В своем письме от 1 мая 1864 года, поздравляя Александра II с окончанием Кавказской войны, фельмаршал князь Барятинский призывал «без потери времени и насколько возможно» выселять горцев в Турцию, а «раз страна будет от них очищена, мы утвердим свое положение навсегда».

21 мая на поляне Кбаада состоялся парад войск в связи с окончанием русско-кавказской войны. «Действия порохом и железом кончились, - писал генерал Фадеев. - Но нельзя было отдыхать на лаврах, покуда вооруженное горское население толпилось на берегу, ожидая отправления». Предстояла «операция» по их выселению в Турцию, а это было, по его мнению, «гораздо затруднительнее самого покорения, особенно людей, не знавших от века, что такое вторжение неприятеля».

22 мая первый и четвертый отряды приступили к окончательному выселению горцев-абазин. К 20-23 июля были заняты все «очищенные местности от населения», в том числе и Псху. Основная часть псхувцев двинулась к морю; 105 семей ушли в Закубанье, Кувинское ущелье, где поселились одним селением (736 человек). В сентябре 1864 года здесь же осели 109 псхувцев, вернувшихся с дороги в Турцию. Затем все они перебрались в Зеленчукский округ. Весной 1866 года жили на Большом Зеленчуке. Еще одна часть псхувцев — 493 человека (81 двор) — была поселена близ Гагринской крепости. О существовании в этих местах двух садзских селений упоминается в 1866 году. Их исход в Турцию относят к середине 1870-х годов.

По сведениям С.Духовского, в районе действия отряда Геймана с 23 февраля по 1 мая 1864 года из Туапсе, «главной пристани шапсугов», отправилось в Турцию 60.000 человек, в том числе продолжавших выселяться абадзехов. Всего же в феврале-мае 1864 года с территории от Туапсе до Бзыби выселилось, по данным Духовского, 140.000 человек. «Впрочем, - писал он, - эти цифры приблизительные и, конечно, они менее того, что было действительно: значительная часть уехала до занятия края войсками, да и после занятия нельзя было усмотреть, чтобы суда отходили только

от пунктов, где находились гарнизоны; нельзя было добиться, чтобы о всех отплывающих между постами судах получались хотя бы приблизительные сведения». Только за один день 19 апреля 1864 года с Кубанского поста (временный казачий пост в устье реки Дагомыс) ушло в Турцию до 5.000 убыхов.

В апреле 1864 года русско-турецкие переговоры по вопросу массового переселения кавказских горцев завершились. Русское правительство разрешило отсрочку переселения только тем горцам, которые не покинули еще свои жилища в горах. Согласно договору Порта должна была предоставить выселявшимся свои транспортные корабли и расселить вдали от кавказской границы. «Турецкое правительство, - писал посланник России в Стамбуле, - намеренно расселить черкесов небольшими группами в местах наиболее уязвимых его территории, как часовых на страже Оттоманской империи в будущих войнах». Одним из условий переселения Турция выдвигала требование разрешить горцам вывозить скот и другое имущество. Росское же правительство возражало, потому что это было возможно только наземным путем, что грозило поселением беженцев вблизи границы России в Закавказье, а значит задевало ее интересы.

Факты свидетельствуют, что процесс изгнания адыгов/черкесов осуществлялся при полном взаимодействии трех империй: Российской, Османской и Британской. Не сумев остановить продвижение России на Кавказ, Англия опасалась усиления ее армии за счет коренных жителей. В английской прессе того времени, по данным исследователя У. Берзега, в связи с этим в частности писалось: «В распоряжении России для завоевания Парижа и Кулькутты окажется самое воинственное племя в мире». Поддерживая таким образом изгнание адыгов/черкесов, Англия внушала турецкому султану мысль «об использовании переселенцев для охраны безопасности Османской империи и против российских войск». Высказывание английского посла в Стамбуле: «Мы потеряли Черкесию и если осталось кого спасать, так это самих черкесов», по мнению У. Берзега, подтверждает факт существования у Великобритании особого плана в отношении Черкесии, в котором выселение адыгов/черкесов с самого начала рассматривалось как один из возможных вариантов развития событий». Фактически, то же самое можно сказать и о намерениях России. А чтобы не быть голословным, напомним лишь одну фразу генерала Евдокимова: «Я всегда смотрел на эту меру (выселение горцев в Турцию. - Т.П.), как на вспомогательное средство покорения Кавказа». А ведь именно он, как уже говорилось, «вершил» в 1860-1864 годах кавказскую политику России.

По сведениям, опубликованным А.П.Берже, с 1858 по март 1865 года с восточного берега Черного моря ушло в Турцию 470.735 жителей Западного Кавказа. Среди них были 43.148 абадзехов, 169.171 шапсуг, 49.080 натухайцев, 7.983 бжедуга, 4.000 бесланейцев, 15.000 темиргойцев, егерукайцев и махошей, 27.621 человек из шапсугов, бжедугов и натухайцев. Всего 316.003 человека. Кроме того, покинули Кавказ в этот период 74.567 убыхов, 19.515 южных абазин, 30.000 северокавказских абазин и 30.650 прикубанских ногайцев.

Как известно, А.П.Берже к официальным данным тоже относился скептически. Он считал, что «число выселившихся душ... должно быть значительно более показанного, так как все переселенцы, отправлявшиеся на свой счет на турецких кочермах из портов, нам не подвластных, большею частью остались неизвестны для официальных лиц, а это составляет весьма солидную поправку».

Согласно турецким источникам, только в 1865 году в Османскую империю прибыло 520.000

кавказцев.

К весне 1864 года большая часть горских земель была уже занята станицами. Они протянулись в несколько рядов вдоль предгорий, «между хребтом и линией, проведенной параллельно Кубани, в 25-30 верстах от ее берега», - писал генерал Фадеев. Низменное же пространство между Кубанью и этой условной линией, было предназначено для горцев. Однако после ухода большинства адыгского населения в Турцию в 1864 году оно оказалось занятым примерно на половину. «Теперь, - продолжал Фадеев, - оно составляет обширный запас хозяйственных земель в распоряжении правительства». (Который, заметим, старанием прежде всего Кубанской областной администрации, поощрявшей и понуждавшей дальнейшее (до полного) выселение горцев, в последующие десятилетия был значительно пополнен.)

В одном из своих «Писем с Кавказа» генерал Фадеев писал, что у кавказских властей «... не было никакого общего плана для управления покорными и вновь покоряющимися горцами, для уравновешивания различных общественных элементов, из которых одни были благоприятны, другие враждебны нам, и к которым мы не могли, не должны были относится равнодушно; тем более, что состояние мирных имело величайшее влияние на умы непокорных, на степень ожесточенности их сопротивления. Мы действовали одною силою оружия, без политики, и оттого везде встречали только врагов и ни одного доброжелателя, хотя все люди старого порядка между горцами, подавленные, но еще не в конец уничтоженные мюридизмом, могли представить нам значительную точку опоры». Публикуя выдержку из письма Фадеева, Яков Гордин демонстрирует свое неравнодушное отношение к положению дел на Кавказе сегодня. Он пишет: «Этот текст следовало бы выучить наизусть тем, кто принимал решения по Кавказу в начале 1990-х годов, до того как они загнали ситуацию в трагический тупик...».

Итак, оставшиеся на исторической родине адыги/черкесы были расселены вблизи Кубани и по нижнему течению впадающих в нее рек Афипса, Псекупса, Пшиша, Белой и Лабы (левый берег), большими, в 200-300 человек, аулами, между казачьими станицами, и составляли, как писалось, «едва одну двенадцатую долю или даже меньше» от общей численности населения Кубанской области.

Согласно отчету главнокомандующего Кавказской армией к 1865 году численность всех закубанских горцев составляла около 90.000 человек. (Е.Д.Фелицын писал о 95.000. Из них, по словам ученого, основанных на данных Кубанского статистического комитета, адыгов/черкесов — около 61.000 человек.) По сведениям еще одного русского источника, в указанное время в Кубанской области насчитывалось 106.798 коренных жителей. Из них в Абадзехском округе проживало 38.434 человека, в Бжедугском округе — 37.476, в Нижне-Кубанском приставстве — 4.540, в Верхне-Кубанском приставстве — 26.348 человек. В отношении начальника главного штаба Кавказской армии военному министру от 14 декабря 1865 года указывалось, что после эмиграции 1864 года в Кубанской области осталось от 80 до 100.000 горцев (из них до 25.000 карачаевцев и ногайцев), поселенных по левому берегу реки Кубани от ее истока до Екатеринодара на протяжении 400 верст и окруженных казачьим населением.

По сведением Б.М.Джимова, в сентябре 1864 года Бжедуховский округ был разделен на два участка: Хамышеевский и Черченеевский, а Абадзехский — на Верхне-Лабинский и Нижне-Лабинский участки. Верхне- и Нижне-Кубанские приставства были преобразованы в один Верхне-Кубанский округ с тремя участками: Карачаевским, Абазинским и Армянским. Черкесские аулы с

преимущественно кабардино-бесланейским и абадзехским населением (Урупский, Вольный, Коноковский, Кургоковский, Докшуковский, Тазартуковский и другие) отошли к Нижне-Лабинскому участку.

В 1865 году горское население Кубанской области составляло пять военно-народных округов: Псекупский, Лабинский, Урупский, Зеленчукский и Эльборусский. Последний округ состоял из карачаевцев. Остальные округа были собраны, как писал С.Эсадзе, «из остатков различных туземных племен Закубанского края». В состав Псекупского округа вошли адыгские/черкесские аулы по среднему течению реки Кубани и нижнему течению реки Псекупса, Лабинского — аулы, расположенные по рекам Лабе и Белой, Урупского — аулы, населенные адыгами/черкесами, ногайцами и армянами, Зеленчукского — адыги/черкесы, абазины и ногайцы и Эльборусского — жители карачаевских и абазинских аулов по реке Куме и ее притокам.

В 1869 году в Псекупском округе насчитывалось горского населения 16.560 человек, Лабинском — 25.879, Урупском — 15.583, Зеленчукском — 19.295 и Эльборусском — 16.445 человек. По этим данным, адыгское население составляло, примерно, 45.000 человек.

В января 1871 года военно-народные округа были упразднены. Горское население Кубанской области вошло в состав общего населения вновь образованных уездов. Горцы бывшего Псекупского округа вошли в Екатеринодарский уезд, Лабинского — в Майкопский уезд, Урупского, Зеленчукского и Эльборусского округов — в Баталпашинский уезд. В 1871 году в Екатеринодарском уезде насчитывалось 16.629 коренных жителей, в Майкопском — 25.620, в Баталпашинском — 44.507, а всего в Кубанской области числилось 86.756 горцев, из них адыгов/черкесов чуть более 50.000.

Выселение адыгов с Кавказа продолжалось и после их массовой депортации 1863-1864 годов. Русская колониальная администрация, мягко говоря, не слишком заботилась об участи адыгов/черкесов, выселившихся на прикубанскую низменность, руководствуясь, видимо, указанием Александра II о том, что на управление горцами следует смотреть «как на продолжение их покорения». В побуждении горцев к дальнейшему выселению в Турцию большую роль играл как грубый произвол русской администрации, так и позиция казачества.

В конце 1864 года наместник распорядился принять в наступавшем году «меры» к прекращению массового переселения горцев из Кубанской области, но не запретил его как таковое вообще. Уже одно это вызвало, скажем так, недоумение у части кавказских чиновников. Один из них, не скрывая своего раздражения, заявил: «Когда можно было уже ожидать, что весь Западный Кавказ будет совершенно очищен от горского населения, выселение горцев было вдруг приостановлено, как говорят, вследствие заявления турецкого правительства, что дальнейшие меры наши в этом отношении оно принуждено будет считать направленными к разрушению Турецкой империи». Военный министр Милютин, не поверив тому, что «кавказское начальство вовсе отклонило переселение 2.500 семей горцев Кубанской области», «оставшееся» от 1864 года, потребовал объяснения от начальника штаба армии. В своем отношении министру от 14 декабря 1865 года генерал Карцов доложил министру, что горцы, как выявило «тщательное расследование», такого желания никогда не высказывали, поэтому и отменять командующему ничего не пришлось. При этом, продолжал он, «принимая во внимание, с одной стороны, что при настоящем положении своем закубанские горцы не только совершенно для нас безвредны, но и приносят некоторую пользу в малолюдном закубанском крае, а с другой, - жалобы на стеснения и зло, которое будто

бы сделано христианскому населению в Турции бывшим переселением, жалобы неоднократно повторяемые и нашим посланником, Его Императорское высочество и предположил — принять меры к прекращению дальнейшего переселения горцев из Кубанской области целыми массами, дозволив однако же переселяться отдельным лицам и семействам, которые будут настаивать на том и удаление которых местное начальство сочтет полезным».

Между тем, по словам А.Берже, «по временам стремление к уходу в Турцию продолжало проявляться» как у населения Кубанской, так и Терской областей. По его словам, «хотя на увольнение их туда с половины 1865 до 1867 года и не существовало никаких определенных правил, но местное начальство всеми мерами затрудняло переселение только в крайних случаях». Так, из донесения начальника Терской области генерала Лорис-Меликова следует, что в 1865 году «правильно организованное» переселение ее жителей «достигло в продолжении трех летних месяцев цифры 5 тыс. семейств».

В вышеупомянутом отношении генерал Карцов сообщал также о тяжелом материальном и психологическом состоянии коренных жителей. Он писал, что «половина из них (все выходцы из гор) доведена войною до последней крайности и думает только о своем насущном пропитании, все они жаждут только спокойствия и исполняют наши требования без малейшего прекословия, доказательством чему служит, между прочим, то, что они исполнили самое тяжелое для горца требование — перестали носить оружие. При таком положении горское население совершенно от нас зависит: оставить его или заставить поголовно выселиться в Турцию, не употребляя ни в том, ни в другом случае никаких насильственных мер. Если мы будем продолжать показывать населению заботливость о его положении, распределим правильно земли, для него предназначенные, будем защищать его от притеснения соседей-казаков (что нередко приходится делать), оно охотно останется; если, напротив, оставим без внимания нужды народа, не станем принимать меры к ограждению его от притеснений и особенно к прекращению разных слухов, часто распространяемых о предстоящих будто бы религиозных и других преследованиях, то к концу будущего года девять десятых этого народа уйдет в Турцию».

Кавказское начальство никогда не ограничивалось одними военными средствами вытеснения горцев в пределы Османской империи, оно всегда поощряло и содействовало переселению и даже прямо подстрекало к нему, в том числе подсылая к ним турецких эмиссаров, которым разрешался свободный въезд на Кавказ. Более того, представители военного командования сами бывало являлись распространителями среди горцев разных слухов и турецких прокламаций. Как сообщал Г.А.Дзидзария, командующий войсками в Терской области генерал Лорис-Меликов в своем письме от 18 июля 1864 года на имя начальника главного штаба армии просил, к примеру, передать ему несколько экземпляров одной из таких прокламаций «для распространения в населении». Конечно же, горцы переселялись в Турцию, в подавляющем большинстве, не под влиянием таких листовок, а вопреки своему желанию, под давлением войск и русских колониальных властей.

В сентябре 1867 года главнокомандующий армией сообщал русскому послу в Турции генерал-адъютанту Н.П.Игнатьеву об отказе «содействовать Порте в дальнейшем переселении абхазцев и абадзехов, будто-то бы заявленном Порте мнимыми депутатами» от этих народов. Объясняя свою позицию, он писал, что «военные соображения, руководившие мною в 1863 году и заставившие не только не препятствовать переселению горцев, но и поощрять в них тот фанатизм, побудивший все население Черноморского прибрежья к

поголовному выселению, ныне не могут более иметь влияния на дальнейший взгляд мой на этот предмет.

Если в 1863 году, в виду могущей возникнуть европейской коолиции, быстрое окончание кавказской войны было всем понятною необходимостью и для достижения этой цели выбора не предстояло, то теперь наискорейшее развитие края и административное его благоустройство побуждают меня препятствовать дальнейшему выселению кавказских мусульман, мало помалу начинающих приучаться к нашему управлению и обещающих со временем сделаться трудолюбивыми поселянами».

В том же 1867 году, во время объезда Кубанской области, наместник якобы лично объявил горцам об окончательном запрещении переселения в Турцию. Однако несмотря на это оно продолжалось. Так, например, «настойчивым просителям» из Майкопского и Баталпашинского уездов «удалось» нарушить запрет: осенью 1873 года выехало в Турцию 420 семей (3.400 человек). Из них, как писал Берже, 271 семья — через Керчь и 149 семей — из Туапсе.

Бесправие, национальная и религиозная дискриминация, отсутствие надежды на лучшую жизнь в будущем, а также прямое подстрекательство со стороны колониальных властей толкали горцев к переселению в Турцию. Если к 1865 году на исторической родине оставалось, по разным данным, от 60.000 до 80.000 адыгов/черкесов, то, начиная с середины 1870-х годов их численность неуклонно сокращалась. В 1882 году, писал А.Х.Касумов, в Кубанской области числилось: бжедугов — 16.771 человек, кабардинцев — 15.440, абадзехов — 13.961, бесланейцев — 6.551, темиргойцев — 5.127, шапсугов — 3.381 человек. Всего 61.231 человек.

По данным Е.Д.Фелицына на конец 1883 года, в Кубанской области, в трех ее уездах проживало 13 убыхских семей (80 человек), 9 из которых - в черкесских аулах Бгуашехабль и Кошехабль. Практически это были остатки населения Убыхии, изгнанные со своих родных мест в горах побережья. Как сообщает Г.А.Дзидзария со ссылкой на Дюмезиля, некоторые убыхские семьи были переселены с Кубани в Костромскую губению.

В Черноморском округе в 1872 году, по официальным данным, проживало 773 черкеса (с преобладанием хакучей), в 1891-м их число увеличилось до 1.727 человек (прирост населения произошел в основном за счет оставивших горы и вернувшихся с Кубани), в 1897 году — до 1.938.

Согласно посемейным спискам горского населения на август-сентябрь 1886 года в Кубанской области числились следующие адыгские/черкесские аулы:

в Майкопском уезде: Хаджимукохабль, Бгуаше-хабль, Бжедуховский, Джанкятовский, Унароковский, Натырбовский, Бенокский, Ходзский, Ульский, Хакуринохабль, Блечепсин, Джеракай, Хатажукай, Адамий, Кошехабль, Мамхег, Пшизовский, Егерукаевский, Хачемзий, Темиргоевский, Хатукай. Всего 21 аул с населением 31.965 человек (5.307 семей).

в Екатеринодарском уезде: Джиджи-хабль, Тауй-хабль, Нечерезий, Пшикуй-хабль, Афипсип, Псейтук, Панахес, Вочепший, Пчегатлукай, Гатлукай, Шаган-Чирий-хабль, Шабано-хабль, Эдепсукай 1-й, Эдепсукай 2-й, Ассоколай, Лакшукай, Тугургой, Тлюстен-хабль, Гатагу-хабль, Тахтамукай, Козет, Понежукай, Нешукай 1-й, Нешукай 2-й, Шинжий, Габукай, Новый Бжегокай, Хаштук, Казанукай, Бжегокай, Кончуко-хабль. Всего 31 аул с населением 16.700 человек (2.663

семьи).

в Баталпашинском уезде: Докшуковский, Хохондуковский, Атажукинский с поселком Баташевским, Урупский, Вольный, Коноковский, Кургоковский, Тазартуковский, Тазартуковский с поселком Берестановским. Всего 10 аулов с населения 10.981 человек (1.678 семей).

Итого в трех уездах числилось 59.646 адыгов/черкесов (9.648 семей), без учета проживавших, возможно, в абазинских аулах. К 1888 году их общее число, по данным А.Х.Касумова, не превышало 57.000 человек.

В 1888 году Кубанская область была поделена на 7 отделов. Горское население осталось в трех: Екатеринодарском, Лабинском (с 1892 года Майкопском) и Баталпашинском отделах. Отделы были подразделены на участки и приставства.

В сентябре-октябре 1888 году выселились в Турцию жители абадзехского аула Хаджимуковского Лабинского отдела. Они уходили двумя группами: первая (1.813 человек) в сентябре, вторая (1.618 человек) в октябре. Вместе с ними ушло 6 семей из аула Ходзь. Всего из Новороссийска в Самсун было отправлено 3.333 человека. 40 семей хаджимуковцев (136 человек), пожелавших остаться на родине, в 1890 году было решено распределить по разным аулам Лабинского отдела (предполагалось, абадзехским), 2 семьи — в кабардинский аул Ходзь. 9 семей приняло решение в этом же году, весной, уйти в Турцию. В связи с переселением хаджимуковцев русский император заявил, «... что в стремлении к переселению туземцев из области он не видит не только какого-либо ущерба интересам правительства, но признает, наоборот, большую пользу в удалении этого беспокойного элемента».

Еще до ухода абадзехов в Турцию атаман Лабинского отдела был уведомлен старшим помощником начальника Кубанской области генералом Маламой о решении наказного атамана Кавказских казачьих войск генерала князя А.М.Дондукова-Корсакова образовать на месте Хаджимуковского аула новую станицу. В уведомлении говорилось, чтобы «... в первых числах будущего сентября, вскоре по удалении хаджимуковцев в Турцию, поселить на принадлежавшей им земле отставных солдат, проживающих ныне в некоторых поселках и слободках Кубанской области и 739 семейств охотников из разных станиц и селений области с зачислением всех их в казачье сословие на общем основании, причем по желанию генерала Дондукова-Корсакова поселенцы эти должны образовать на месте Хаджимуковского аула новую станицу. В этих видах Его Сиятельство, признавая нужным сохранить для новых поселенцев все общественные и частные здания, принадлежащие ныне хаджимуковцам, предлагает воспретить горцам названного аула продавать в частную собственность здания аульного правления, школы, мечети, запасного хлебного магазина, лавок, а также, если возможно, их частные постройки с усадьбами и всеми находящимися на них угодьями». Эта станица получила название Дондуковской.

Атаманы Екатеринодарского и Лабинского отделов в своих донесениях начальнику Кубанской области генерал-лейтенанту Леонову неоднократно поднимали вопрос о необходимости выселения остававшихся в области адыгов/черкесов за пределы России как «чуждого и беспокойного элемента». Кубанская администрация видела в выселении адыгов большую пользу: земли их можно было передать станицам и отставным солдатам. Начальник области писал по этому поводу: «Если ожидания мои о поголовном выселении закубанских горцев осуществятся, то войско получит около 230 тысяч десятин прекрасной земли, на которой может быть поселено до

20 тысяч душ мужского пола».

Свое ходатайство относительно переселения кавказских горцев в Турцию представил в январе 1889 года военному министру глава Кавказской администрации генерал Дондуков. По словам генерала, горцы Кубанской области охвачены стремлением к выселению в Турцию; это их «постоянная и заветная мечта, какими бы благоприятными условиями не была обставлена их жизнь в России». По степени стремления к переселению он разделил горцев Кубанской области на две группы. В первую и более многочисленную Дондуков включил коренных жителей Екатеринодарского и Лабинского отделов, не забыв упомянуть, что они занимают «самые лучшие и плодороднейшие места», которые «с уходом их» можно передать отставным солдатам. Ко второй группе генерал отнес горцев, проживавших в Баталпашинском отделе - карачаевцев, ногайцев и кабардинцев, и сделал вывод, что они во всем и в лучшую сторону отличаются от горцев первой группы, в частности, давно признали русскую власть, выделялись на фоне остальных «сознательным предпочтением старого отечества новому», то есть Турции. О горцах же первой группы Дондуков отзывался как о людях, не сумевших якобы до сих пор «освоиться и примириться с существующим порядком, тяготея более к Турции». Если верить его словам, они и землю не обрабатывали, и традиционное скотоводство находилось у них в упадке, и, в отличие от горцев второй группы, жили они в крайней бедности. Более того, эти черкесы, писал Дондуков, существуют за счет воровства, грабежа и разбоев «в соседних русских поселениях». Но местная администрация, по его признанию, «совершенно бессильна в борьбе с этим злом». Из столь претенциозного документа видно, что автор преследует цель любой ценой очистить от адыгского/черкесского населения Западный Кавказ. Как верно отметил А.Х.Касумов, обвиняя горцев во всех смертных грехах, «местная администрация стремилась снять с себя вину за изгнание их за пределы Кавказа».

«Если по экономическим и политическим соображениям выгодно и желательно переселение целыми аулами первой группы, - продолжал Дондуков, - то по тем же причинам, я не признаю возможным допустить переселение из второй группы; исключения могут быть делаемы лишь для отдельных лиц, по ходатайствам местного начальства». И далее еще раз повторил: «Поголовное выселение в Турцию желательно только известной части туземцев Кубанской области, а именно: жителей Екатеринодарского и Лабинского отделов». По его мнению, «правительству в настоящее время следует решить: полезно и в видах ли его удерживать туземцев Северного Кавказа в пределах России; если же это не входит в его виды, то необходимо ли озаботиться принятием мер к выселению их в Турцию целыми аулами и даже племенами или отдельными семействами и в какой части Кавказа может быть применена та или другая мера».

Дондуков предложил установить особые правила (порядок) переселения горцев в Турцию. Они должны были включать в себя следующие моменты: получение согласия Порты на прием в подданство около 45.000 горцев названных отделов; объявление горцам о согласии последней принять их, о порядке переселения; поездка аульских делегатов в Турцию для осмотра отводимых им земель; «высочайшее повеление на переселение», разрешение на продажу личного имущества и подготовка к переселению; разрешение на переселение получают жители только тех аулов, в которых число желающих будет составлять не менее 2/3 от общего числа жителей ; остающиеся на родине должны будут «очистить занимаемые земли» и согласно приказу местного начальства расселиться по разным аулам.Освободившийся земельный надел аула поступает в распоряжение Кубанского казачьего войска для «будущих колонизаторских целей правительства»; при переселении целыми аулами частные постройки и другое имущество

надлежит продать в установленный срок ; аульские постройки общественного назначения передаются в распоряжение администрации «для обращения их или на надобности новых поселений, или на другую какую-либо потребность»; все расходы по переселению несут сами переселенцы, в том числе с использованием средств общества; предупреждение переселяющихся о невозможности их возвращения на родину ни при каких условиях, а также о суровом наказании для возвратившихся нелегально. Уже в феврале 1889 года правила были разосланы атаманам отделов Кубанской области для объявления их в каждом черкесском ауле.

Действовали они (с 1893 года) и в Терской области. В заявлении преемника Дондукова генерал-адъютанта графа Шереметева (с 1891года) еще раз было подчеркнуто, что в целях «усиления русского элемента среди туземцев освободившиеся земли заселять исключительно русскими переселенцами».

«Соображения» князя Дондукова по выселению горцев Кубанской области в Турцию и его организации были поддержаны военным министром. В ноябре 1889 года вопрос о переселении адыгов/черкесов Екатеринодарского и Лабинского отделов Кубанской области в Турцию был решен окончательно. На отношении военного министра по этому вопросу царь наложил резолюцию: «Согласен». Вопрос о выселении части горцев Кубанской области, поднятый кавказскими властями, обсуждался в правительстве России. А.Х.Касумов отмечал, что по мнению министров, «самым правильным решением вопроса было бы разрешение всем туземцам Северного Кавказа переселяться в Турцию, так как это способствовало бы и уменьшению числа содержимых на Кавказе войск, следовательно, облегчался бы государственный бюджет». Но так как правительство признало русских переселенцев неспособными к жизни в горах Чечни и Дагестана, было решено остановиться на предложениях генерала Дондукова-Корсакова и осуществить выселение горцев Кубанской области, прежде всего Екатеринодарского и Лабинского отделов.

Кавказская администрация намечала выселить более 40.000 человек, проживавших в названных отделах, за три года. Предварительно, в том же 1889 году, в Стамбул для переговоров с Турцией был направлен ответственный за переселение адыгов/черкесов старший помощник начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска генерал-майор Малама. Как писал А.Х.Касумов, ему были даны следующие инструкции: «Стараться окончить переговоры с турецким правительством к началу января 1890 г.; выяснить, где адыги будут поселены, не допуская поселения их в пограничных с Россиею провинциях; получить согласие Порты на предварительный осмотр земель, назначенных для переселенцев, депутатами от горцев; установить непременным условием, чтобы переселение совершалось исключительно морем; определить порты, к которым направлять суда с переселенцами; условиться о снабжении Портою местных турецких властей предписаниями о приеме и дальнейшем препровождении переселенцев; получить обязательства Порты о том, что обратное переселение горцев ею допускаемо не будет». В письме от 30 января 1890 года Малама сообщал: «Предложение о поселении переселенцев в вилайете Кония и Адана, полагаю, совершенно отвечает нашим интересам. Турецкое правительство само избрало эти места...».

Однако Турция, в связи с собственными проблемами («по случаю усиленного стремления к переселению мусульман, подданных ее, из европейских провинций в Азию»), отказалась принять в 1890 году «всех закубанских горцев, о которых велись переговоры при посредстве посольства генерал-майором Маламой». Поэтому 7 ноября 1889 года состоялось «высочайшее повеление» о

переселении в Турцию только шести аулов Лабинского отдела: Бенокского, Ходзского, Бжедугского, Натырбовского, Унароковского и Бгуашехабльского, «получившим уже ранее на это разрешение турецкого правительства».

В ноябре 1890 года из вышеперечисленных аулов, а также из Джанкятовского, Адамиевского, Хатукайского, Темиргойского и Пшизовского было выселено в Турцию 9.320 человек. Из назначенных к переселению шести аулов ушло 8.172 человека (остались 2.101 человек), в том числе из Бенокского — 2.129 (456), Ходзского — 1.429 (1.311), Натырбовского — 1.362 (95), Бгуашехабльского — 1.180 (64), Унароковского — 1.044 (69), Бжедугского — 1.028 (106). Из аула Джанкятовского выселился 981 человек (осталось 26). Из остальных четырех аулов ушло 167 человек.

Некоторые из жителей шести аулов временно оставались на прежних местах и «теперь, - как докладывал в своем рапорте от 21 июля 1892 года начальнику областной администрации атаман Майкопского отдела, - уклоняются от переселения в Турцию». Он просил разрешение этих горцев, «которые получили разрешение на переселение в Турцию, но в настоящее время по тем или другим причинам уклоняются от переселения, выслать по этапу в гор. Новороссийск... для дальнейшего отправления в пределы Турции». После выселений 1888 и 1890 годов в Кубанской области осталось до 45.000 адыгов/черкесов.

Сразу после 1890 года начальство Кавказского военного округа, в подчинении которого находилась Кубанская область, инициирует новое выселение адыгов/черкесов. В своем рапорте от 9 апреля 1891 года на имя начальника Кубанской области атаман Екатеринодарского отдела в частности писал: «... я полагал бы весьма необходимым принять меры к переселению горцев, если не всех, то возможно большего числа». По его заявлению, согласие на переселение выразили жители 27 аулов отдела в количестве более 1.350 семей.

В сообщении от 3 сентября 1891 года начальник Кубанской области писал начальнику окружного штаба: «Как видно из донесений атаманов Лабинского и Екатеринодарского отделов, преобладающее большинство горцев этих двух отделов имеют намерения переселиться в Турцию и со своей стороны в интересах русского населения вверенного мне края я признаю таковое переселение весьма желательным». По его мнению, из 43.947 адыгов/черкесов Екатеринодарского и Лабинского отделов «пожелает остаться в России лишь самое ничтожное меньшинство». Далее он предлагал снова «войти в соглашение с турецким правительством о принятии в свое подданство всех горцев Екатеринодарского и Лабинского отделов». Переселение их намечалось осуществить тремя группами в течение трех лет, по одной ежегодно, при том что приступить к выселению желательно было уже в текущем 1891 году. В заключении начальник области просил вышестоящее начальство ходатайствовать о выселении в Турцию первой трети горцев «вверенной» ему области численностью 14.650 человек.

В донесении исполняющего дела начальника Кубанской области генерал-майора Маламы начальнику штаба округа от 3 марта 1892 года говорилось о согласии Турции на переселение части горского населения Екатеринодарского и Майкопского отделов (5.000 человек), вскоре с легкой руки кубанских властей обратившихся в 5.000 душ мужского пола, а это, как говорится, уже большая разница. Малама считал необходимым прежде всего переселить горцев Екатеринодарского отдела. Он, как и другие представители кавказской администрации, привычно возлагал вину за выселение на самих горцев, которые, по его мнению, «представляют собой

крайне вредный элемент населения, отличающегося неисправимою склонностью к грабежам и разбоям и являются главными виновниками нарушения общественного спокойствия края».

Однако «в виду существовавшей в то время в пределах Кубанской области холерной эпидемии», турецкое правительство отказалось принять в 1892 году переселенцев с Кавказа, что вызвало неудовольствие администрации Кубанской области, приготовившей уже списки на 10.000 душ мужского пола (сразу две группы из трех по 5.000 каждая за 1891 и 1892 годы) из Екатеринодарского отдела.

В 1893 году вновь последовал отказ в приеме адыгских/черкесских переселенцев (10.000 душ мужского пола). Мотив: «Желание Порты устроить предварительно румелийских эмигрантов». Напрасны были все усилия русского посла в Стамбуле добиться принятия в 1893 году «хотя бы первой трети предназначенных к выселению горцев».

В разгар кампании по переселению екатеринодарских черкесов (бжедугов, шапсугов) «участковый начальник над горцами» корнет Абаев обратился с донесением к атаману Екатеринодарского отдела, в котором писал о своих впечатлениях от знакомства с жизнью горцев, о тяжелом экономическом положении «несчастного в полном смысле этого слова народа — горцев племени бжедухов», о скудном земельном наделе и невозможности пользоваться лесами. Изложив фактическое положение дел в аулах его участка, Абаев высказал свое мнение и предложения. Он писал: «что, во первых, в данное время желающих искренно, за единичными исключениями, уходить в Турцию нет, и это всецело зависит от желания правительства и местной администрации, и, во-вторых, этот вопрос, то есть выселить или нет, надо решить окончательно в самом непродолжительном времени и принять неотлагательные меры или к выселению, или к устройству населения на месте, отмежевав земельные и лесные наделы».

Абаев был абсолютно прав, когда подчеркивал прямую связь между согласием горцев на переселение и решением земельного вопроса. Эта ситуация была искусственно создана и управлялась кавказской администрацией. Прямые доказательства и иллюстрация этой связи в отношении кубанских горцев представлены в одном из предписаний начальника Кубанской области генерала Маламы от 5 апреля 1894 года, который писал: «Размежевание земель бывшего Псекупского округа, столь важное в интересах горского населения и давно им ожидаемое, приостановлено окружным штабом вследствие имеющегося в виду переселения горцев в Турцию; сведения, полученные мною в последнее время, позволяют предполагать, что ныне горцы, в противность прежнему своему сочувствию к идее переселения, желали бы, наоборот, в массе своей остаться на месте... В случае решения их остаться, на что я имею данные рассчитывать, мною будет сообщено в штаб о неимении препятствий к размежеванию».

В это время атаман Лабинского отдела полковник Савицкий также не бездействовал. В своем рапорте за 25 февраля 1893 года на имя начальника Кубанской области генерал-майора Маламы (с 1892 года) он докладывал, что все 360 семей Урупского аула Баталпашинского отдела «заявили желание переселиться навсегда в Турцию» и просил выдать заграничные паспорта их делегатам, «выезжающим в Оттоманскую империю» для личного ходатайства перед турецким правительством. Действия областного начальства, видимо, не были согласованы с начальником штаба Кавказского военного округа. В связи с этим обстоятельством старший офицер штаба округа обратился к генералу Маламе с просьбой уведомить его (для доклада командующему войсками округа генерал-адъютанту Шереметеву), «на каком основании отправлены в Турцию для осмотра

предназначенных под поселение мест депутаты от пяти аулов Баталпашинского отдела, откуда без особого высочайшего повеления переселение допущено быть не может».

Из ответа начальника области начальнику штаба округа от 24 июля 1893 года следовало, что баталпашинские аулы Урупский, Коноковский, Вольный, Кургоковский и Карамурзинский (ногайский, остальные черкесские) еще в ноябре 1892 года были временно выведены из состава Баталпашинского отдела и подчинены в полицейском отношении Лабинскому. (Черкесские аулы Лабинского отдела в это время относились к Майкопскому отделу, в связи с чем атаман, имея опыт выселения горцев в 1888 и 1890 годах, чем очень гордился, остался без работы. Горские же аулы Лабинского отдела еще в 1889 году получили разрешение на переселение в Турцию.) Причина этому, как писал Малама, - чисто географическая: расположение аулов вблизи Армавира, центра Лабинского отдела. Но вот с жителями присоединенных аулов администрации, судя по словам начальника области, снова не повезло: эти горцы якобы «представляют тип совершенно иных людей, чем живущие в остальных поселениях Баталпашинского отдела, они существуют исключительно грабежами, разбоями и конокрадством; жилища их, будучи расположены по линии железной дороги, служат притоном к сокрытию виновных в нападениях на поезда железных дорог». (Напоминает отзыв генерала Дондукова о горцах Екатеринодарского и Лабинского отделов в 1889 году, когда он планировал их переселение в Турцию.)

Как следует из донесения начальника Кубанской области генерала Маламы временно командующему войсками округа генералу графу Татищеву от декабря 1893 года, еще в июле 1892 года, перед причислением пяти баталпашинских аулов к Лабинскому отделу, он обращался в округ со своими «соображениями» по поводу выселения этих аулов в Турцию, но тогда его отзыв остался без ответа. Однако будучи уверенным, что он и правительство, дающее разрешение на выселение горцев, преследуют «аналогичные цели», уже успел поставить в известность названные аулы «о намерениях администрации» переселить их в Турцию. При этом генерал заверял начальство, что «о каких-либо принуждениях со стороны местной власти здесь и речи быть не может», так как он «уже имел честь докладывать, что водворение в Турции составляет заветную мечту этих горцев». Малама считал, что в основе дипломатических переговоров с Турцией должно лежать убеждение о необходимости «очистить край от наиболее вредных и не поддающихся цивилизующему влиянию времени элементов». Поэтому назначил к переселению именно эти аулы. Генерал Малама убеждал командующего, что в данное время «польза от выселения пяти аулов... представляется вполне очевидной». По его мнению, это полезней, чем расселение их отдельными семьями по разным аулам.

Горцы же Екатеринодарского отдела, продолжал Малама, хотя и имели еще с 1889 года «высочайшее» разрешение на переселение, но «удаление 15 тысяч человек из их среды не дало бы явно ощутительных результатов в рассуждении блага всей области». К тому же, по словам генерала, они «представляют значительно более благодарный материал для благотворного воздействия администрации». (А что еще ему оставалось говорить, если Турция, пообещав в 1892 году принять первых 5.000 горцев Кубанской области, снова отказалась это сделать?)

На выселении пяти аулов Баталпашинского отдела, по заверению начальника области, он не собирался останавливаться. Следующими на очереди у него стояли некоторые смежные аулы Майкопского отдела, а затем - екатеринодарские. Заканчивая свое донесение, начальник Кубанской области генерал Малама просил ходатайствовать перед императором об утверждении намеченного им выселения в Турцию горских аулов Урупского, Вольного, Коноковского,

Кургоковского и Карамурзинского.

Однако в последовавшем на это предписании графа Татищева от 15 января 1894 года подчеркивалось, что, во-первых, переселение жителей Екатеринодарского и Майкопского отделов должно производиться «по их на то желанию, а не принудительно»; во-вторых, переселение горцев пяти аулов Баталпашинского отдела «может быть допущено только в особо уважительных случаях, и не целыми аулами, а отдельными лицами, причем не только разрешение требуется каждый раз, а особое Высочайшее разрешение».

И тем не менее пару месяцев спустя генерал Татищев обратился с ходатайством о разрешении на их переселение в Турцию. Более того, в своем рапорте от 8 марта 1894 года он придал этому вопросу особую государственную важность, обойдя даже такого мастера страшилок как генерал Малама. «Дальнейшее оставление на Кавказе, - писал он, - известных пяти Баталпашинских аулов могло бы иметь слишком пагубные последствия для окрестного русского населения, а потому переселение их весьма желательно».

У посольства России в Турции были свои проблемы. Посланник не понимал как ему действовать, потому что не знал, «что целесообразнее, с точки зрения кавказского начальства, избавиться ли сначала от горцев Екатеринодарского и Лабинского отделов или, оставив на время вопрос об их переселении в стороне, добиться эмиграции баталпашинских горцев». В последнем случае («если бы переселение их было признано неотложным»), в целях облегчения задачи, он предложил, «вызвать сюда от общества доверенных лиц» на помощь, так как они «обыкновенно встречают сочувствие и поддержку в здешних правительственных» кругах.

Комментируя депешу российского посланника в Турции, генерал Малама в своем отношении начальнику штаба Кавказского военного округа по вопросам переселения кавказских горцев в Турцию от 15 октября 1894 года подтвердил, что он по-прежнему убежден в первоочередном выселении горцев аулов Вольного, Урупского, Коноковского, Кургоковского и Карамурзинского. Уверяя начальника окружного штаба в добровольном решении горцев этих аулов уйти в Турцию, начальник Кубанской области писал, что они «настолько глубоко охвачены стремлением к переселению, что о каком-либо давлении администрации здесь не может быть и речи». При этом на какую-либо помощь со стороны России они, по его мнению, претендовать не имели права. Маламу интересовало: не потеряет ли в 1895 году свою силу согласие Турции на прием одной тысячи семей горцев, а также дал ли разрешение на переселение баталпашинских аулов русский император.

Коротко напомним как развивались переговоры России и Турции в 1889-1893 годах о переселении горцев Екатеринодарского и Лабинского отделов из пределов Российской империи в османские. В 1889 году было получено согласие Порты на принятие в свое подданство 24.000 черкесов. Первая партия численностью более 9.000 человек из Лабинского отдела переселилась в 1890 году. Турция не возражала принять и оставшуюся часть эмигрантов числом 15.000 человек, но с условием, чтобы переселение произошло не сразу, а в течение трех последующих лет, тремя равными частями. Однако в 1892
году Порта отказалась принять кавказцев. В результате дополнительных дипломатических переговоров ближе к концу 1893 года она все же согласилась на переселение 1.000 кубанских горских семей. Но в связи с запозданием разрешения, в 1893 году русские власти не успели его осуществить (штаб округа смог уведомить областное начальство о согласии Турции лишь в

середине декабря). А в августе 1894 года российский посланник в Стамбуле действительный тайный советник Нелидов констатировал, что в турецких «правительственных кругах замечается явное охлаждение к вопросу о переселении в Турцию кавказских горцев».

К середине декабря 1894 года стало известно, что султан издал ираде (указ) о принятии 1.000 семей кубанских горцев в турецкое подданство согласно имевшимся фамильным спискам. Последние были составленны в 1893 году по распоряжению Кубанского начальства и доставленны в Стамбул делегатами от пяти баталпашинских аулов, официально прибывшими для личного ходатайства в ноябре 1893 года и все это время ожидавшими решения турецкого правительства.

Своим предписанием от 23 декабря 1894 года генерал Малама потребовал от атамана Лабинского отдела полковника Савицкого «безотлагательного» составления новых списков жителей пяти вышеназванных аулов, желавших переселиться в Турцию. Такого рода списки по требованию атамана Савицкого составлялись жителями еще в 1893 году. Однако вскоре после этого жители Урупского аула, например, обратились к атаману отдела с заявлением об отказе переселяться в Турцию и оставлении их на нынешнем месте. Как оказалось, списки 1893 года появились на свет отнюдь не по доброй воле жителей аулов. Доказательство этому содержится в отношении штаба Кавказского военного округа начальнику Кубанской области за 1895 год. В нем, в частности, говорилось, что еще в феврале 1893 года, по приказу Маламы, штаб округа своим письмом поручил полковнику Савицкому «склонить горцев аулов: Вольного, Коноковского, Кургоковского, Карамурзинского и Урупского к добровольному переселению в Турцию». 3 ноября 1893 года атаман Лабинского отдела донес, что «указанные пять аулов посылали свои депутации в Константинополь, что население, кроме аулов Урупского и Карамурзинского, весьма сильно охвачено стремлением к переселению в Турцию». Таким образом, в 1893 году атаман Лабинского отдела поставленную перед ним на тот момент задачу выполнил.

Во время составления новых «точных» списков в декабре 1894-январе 1895 года оказалось, что за исключением аула Вольного все остальные аулы, как следует из последнего рапорта полковника Савицкого, «начинают сильно колебаться и уже стремятся остаться на местах ввиду разных материальных невзгод».

Известно, что в новом общественном приговоре (постановлении) от 13 декабря 1894 года и в прошении начальнику Кубанской области (еще до его предписания о составлении очередных списков) жители Урупского аула просили об исключении их «из списка желающих переселиться в Турцию, составленного в 1893 году (под давлением атамана Савицкого.- Т.П.) и оставлении на месте настоящего жительства верноподданными России, с правами и преимуществами, предоставленными горскому населению Кубанской области». Естественно, их решение не было принято во внимание.

В распоряжении начальника Кубанской области, которое было доведено до населения всех пяти баталпашинских аулов говорилось, что все они без исключения должны в 1895 году выселиться в Турцию. Тем, кто был в не состоянии сделать это за свой счет, необходимую помощь им должны были оказать все остальные жители, обязать которых поручалось атаману Лабинского отдела. Причем, согласно правилам Дондукова, жителям запрещалось продавать общественные здания: мечеть, магазин, сельское правление, построенные, кстати за их средства. Уполномоченные от аулов Коноковского и Кургоковского в своем прошении от 25 января 1895 года просили начальника области «отменить круговую поруку на выезд несостоятельных в Турцию, так как из

них самый богатый хозяин едва ли может доставить свое семейство и имущество на свой счет в Турцию» и разрешить продать указанные постройки, чтобы помочь жителям. Отдельно они ходатайствовали об оставлении их на прежнем месте в случае, если большая часть жителей каждого из этих аулов откажется уходить в Турцию. Напомним, что по правилам, установленным кавказской администрацией, при переселении 2/3 жителей оставшиеся расселялись по разным аулам, а земля уходила в казну. Часто случалось, что, оставшись на родине, черкесы не находили для себя постоянного места жительства, так как из-за нехватки земли другое сельское общество отказывалось их принять. Говоря сегодняшним языком, они становились бомжами и через какое-то время были вынуждены уходить в Турцию. Это был один из инструментов власти по выдавливанию горцев с родины.

По предварительным спискам, в середине февраля 1895 года, как следует из отзыва начальника области Маламы штабу Кавказского военного округа, из 1.226 семей, живших в пяти аулах, «изъявило желание переселиться» 598 (517 черкесских семей и 81 ногайская). 636 семей (из них 444 черкесские) отказались переселяться. Таким образом, указывал генерал, «недостает» еще 400 семей до 1.000, принять которых согласилась Турция. Он предложил найти их среди горцев Майкопского отдела. В свою очередь атаман Майкопского отдела предложил отправить в Турцию горцев, не выселившихся по разным причинам в 1890 году, предупредив, что в случае отказа они будут высланы в Восточную Сибирь. «Этим способом только и возможно, - писал он Маламе, - заставить их выселиться в Турцию». Переселение ожидалось осенью 1895 года.

Тем, кто пытался остаться на родине уже после составления переселенческих списков, отказывали. Так, жители аула Коноковского летом 1895 года писали генералу Маламе: «... мы изъявили желание на переселение. Заявляя тогда о своем желании, мы надеялись, что турецкое правительство окажет нам какую-либо материальную помощь по переселению; между тем депутаты наши, возвратившиеся из Константинополя уже после составления списков желающим переселиться в Турцию, сообщили нам, что переселение должно состояться на наш собственный счет. Не имея средств на это переселение, мы от него решительно отказываемся и желаем остаться навсегда русско-подданными и присоединиться к числу 75 дворов, остающихся в селении Коноковском». И далее: «Оставить, так сказать, насиженное в течение 50 лет гнездо, есть для нас тягчайшее наказание, равно ссылке в Сибирь». Но, как сказал атаман Лабинского отдела, если разрешить им, «то вслед за ними поступят новые прошения от многих горцев тоже об оставлении их в России, так как среди горцев заметно большое движение к тому, чтобы отказаться от переселения».

Переселение части черкесского населения Урупского, Вольного, Коноковского и Кургоковского аулов состоялось в сентябре 1895 года. Из 6.131 жителя (968 семей) переселилось в Турцию 3.544 человека (573 семьи):
из 2.114 жителей Урупского аула ушло 816 (126 семей из 302).
из 1.407 жителей Вольного аула ушло 1.318 (210 семей из 225).
из 1.354 жителей Коноковского аула ушло 914 (155 семей из 241).
из 1.256 жителей Кургоковского аула ушло 496 (82 семьи из 200).
Вместе с ними переселилось 10 семей из Майкопского отдела (37 человек). Одновременно из Карамурзинского ногайского аула ушло в Турцию 455 человек из 1.491 (75 семей из 271). Итого в 1895 году было отправлено 4036 человек (658 семей).

Тем, кто сразу отказался от переселения в Турцию и ходатайствовал об оставлении на прежнем

месте жительства также было в этом отказано. Коноковцы, к примеру, согласны были жить в своем селении вместе с солдатами или русскими крестьянами, одним сельским обществом. Однако аулы Вольный, Коноковский и Кургоковский были упразднены, а на их месте вскоре возникли русские поселки. Оставшиеся от выселения горцы были сселены в Урупский аул (адыгское название Шхащефиж - «выкупившийся»). Некоторое время спустя коноковцы образовали самостоятельное селение. Аул Коноковский в настоящее время входит в состав Урупского сельского поселения Успенского района Краснодарского края.

Но генерал Малама на этом не успокоился. В своем уведомлении штабу Кавказского военного округа от 23 октября 1895 года о переселении в Турцию горцев пяти аулов Лабинского отдела он объясняется по поводу неисполнения им приказа командующего войсками округа Татищева о дополнении недобранной в баталпашинских аулах 1.000 семей горцами Майкопского отдела. В связи с этим Малама писал: «Покорнейше прошу штаб округа испросить у командующего войсками разрешения отправить этих горцев весною будущего года, в счет той же тысячи семей, которой переселение разрешено». А это — немного-немало — 342 семьи.

Таким образом, в результате войны и массовых депортаций из пределов России адыгское население Западной Черкесии было поставлено на грань этнического существования на своей исторической родине. По словам одного из дореволюционных авторов, «военные действия на Западном Кавказе сняли с исторической карты некоторые кавказские народности и уничтожили даже память о них». К 1896 году численность западных адыгов/черкесов едва превышала 40.000 человек. Выселение продолжалось и в последующие годы, вплоть до 1910-го, но уже отдельными семьями.

Т. Половинкина, историк

Полная версия книги http://adigasite.com/archives/321